

Алиса Макарова

16+

Оракул

Алиса Макарова

Оракул

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64929941

SelfPub; 2022

Аннотация

Научный прогресс неумолим. Мясо из лаборатории, пища из насекомых, искусственное оплодотворение и селекция эмбрионов, дроны-полицейские – станут ли они панацеей или проклятием? Как далеко готова зайти цивилизация перед лицом глобальных угроз? Не утратит ли общество свой человеческий облик в мире, где новейшие технологии открывают перед нами ошеломляющие возможности? Готовы ли люди переосмыслить фундаментальную картину мира, если вдруг выяснится, что там, наверху, кто-то есть? Глядящий в будущее человек слеп. Но Оракул видит всё.

Содержание

Дегустатор	5
Павлик	23
На вырост	32
Глава 1. Ведьма	32
Глава 2. Лысый чёрт	36
Глава 3. Рудольф	40
Глава 4. Подозрения	42
Глава 5. Совпадение	45
Глава 6. Конверты	47
Глава 7. Патрик	51
Глава 8. В тупике	53
Глава 9. Запись	56
Глава 10. НВ	58
Глава 11. Бутон	62
Глава 12. Стандарт	70
Глава 13. Ромашка	74
Голос Бога	77
Панацея	91
Глава 1. Щупальца	91
Глава 2. Подарок	94
Глава 3. Панацея	98
Глава 4. Пропажа	107
Глава 5. Одержимость	114

Глава 6. Антураж	122
Глава 7. Кадиллак	125
Глава 8. Допрос	131
Глава 10. Новый скот	140
Глава 11. Такимото	146
Глава 12. Пробуждение	153
Глава 13. Спаситель	158

Алиса Макарова

Оракул

Дегустатор

Ещё с первого глотка он ощутил неясное жжение в горле. «Говорила мать, не хватай на жаре ледяную воду», – мелькнуло в голове. «Ну, ничего, доберусь до хаты, шлифану горячим чаем!» И он без дальнейших раздумий принялся жадно глотать отдающую приятной щекоткой в нос сладкую воду. «Вот интересно, а сколько калорий в этой бурде? Или чего там считать то надо – сахар что ли? Так и вся треня, считай, насмарку. Да, а сегодня отлично покачались...»

– Сорок три! – писклявый голос кассирши наждачкой резанул по ушам, вернув его к реальности.

Он бросил на ленту тысячную, торопливо глотнул еще пару раз и завинтил крышку.

– А помельче нету? – противно взвизгнула кассирша.

– Нету, – с нарастающим раздражением отрезал он.

– Я чем сдавать-то должна? Ходят тут с тысячными, одну воду берут, – зашлась кассирша пикирующим ультразвуком, и, внезапно разозлившись, он гаркнул:

– Да мне вообще пофиг! – но вместо слов из горла комком вылетела густая слюна и, приземлившись неестественно ро-

зоватой полосой, шлёпнулась прямо на руку кассирше.

– Да ты охамел что ли, – заорала та, но вдруг замерла на полуслове, вытаращившись на него ошалелыми глазами.

– Ну, чего уставилась? – вконец разъярился он и вдруг почувствовал, как из уголков рта засочились длинные вязкие слюни, непрошеными клейкими соплями свисая на подбородок.

– Да какого чёрта? – рассвирепел он, наотмашь вытирая липкую жижу, уже норовившую сбежать за воротник. Тыльная сторона ладони увязла в склизком потоке, что-то захлопало, и, опустив глаза, он в недоумении увидел, как взбитой розовой пеной на пол с пальцев скапывают полувоздушные ошмётки.

– Платок есть? – спросил он, поворачиваясь лицом к застывшей, словно фигурки Тюссо, очереди, но изо рта разгорячённым потоком выплеснулась кровавая пена, расплескавшись неоднородным месивом по белым плиткам недавно помытого пола. Густой багровый шматок прилетел на грудь девчонке лет двадцати, что стояла сразу за ним. Завизжав, та отпрянула, вокруг всё ожило, загудело, задвигалось, а картинка в его глазах рывком повернулась на девяносто градусов, так что пол оказался у него под щекой. В горле разгорался пожар, невыносимым жаром пропитывая каждую клеточку тела. Он силился хлебнуть воды, но застывшие скрюченные пальцы впустую шкрябали по холодным магазинным плиткам, не в силах удержать бутылку, которая, гул-

ко стукнув, откатилась под прилавок. На кассе стемнело, и последним звуком, отчетливо пронзившим затуманенный мозг, стал чей-то суровый бас, пробившийся поверх режущей уши невыносимой какофонии:

– Чего стоишь, скорую вызывай, зараза!

До оторопи хотелось есть. Адская судорога скручивала кишки при всплывавшей в сознании мысли о куске хлеба с толстым ломтём колбасы. Да с майонезиком – ух! Злобно сплюнув тягучую слюну, Аля глотнула водички и что есть силы вдарила себе по колену. «Нельзя, нельзя», – скороговоркой твердила она, вызывая перед глазами картину скорчившегося на полу накаченного парня, изгибавшегося в немыслимых позах и, словно Петергофский фонтан, струёй извергавшего из себя багряную пену. Ей до сих пор мерещились покрытые мельчайшей красной паутинкой сосудов вмиг налившиеся кровью белки закатившихся глаз и его пальцы, произвольно согнутые, будто в эпилептическом припадке, бессильно скребущие по полу.

После подробнейших свидетельских показаний и размашистой подписи, выведенной дрожащей рукой в протокольном бланке, сотрудник полиции отпустил её домой. В вечернем выпуске новостей Аля выглядела такой маленькой и бледной, но отчего-то килограмм на десять поправившейся. Антон попытался робко пошутить на эту тему, но видя, что

Аля безучастна к его подколкам, оставил её в покое. Позже он пару раз заглядывал в комнату, помог ей закутаться в плед и оставил на столе поднос с горячим какао и какими-то печенюшками. Весь вечер она так и просидела одна в кровати, уставившись в экран, периодически щёлкая пультом и слыша, как Тоша за стенкой бахает кулаком по клавиатуре и на чём свет стоит клянёт проклятых школяров-дегенератов, забустивших на мамкины деньги купленные аккаунты.

Прилетев по её звонку, он быстро сориентировался в ситуации и, как всякий заботливый бойфренд, усадил её в машину, отвёз к себе и до самого вечера опекал, изредка бросая на Алю вопросительные взгляды, как будто говорившие: «Ну, ты как, уже отошла?»

Наутро её разбудил стук в дверь. Почему-то не решаясь войти в собственную спальню, Антон мялся на пороге, но, увидев, что она не спит, просиял:

– Аль, я пиццу заказал, как ты любишь. Вот только привезли. Будешь?

– Не, я как-то не особо, – сглатывая тугой комок в пересохшем горле и кое-как связывая слова, помотала она головой.

– Ну, как знаешь. Кофейку тебе налью. Лады?

– Ага, – кивнула Аля, выковыривая себя из-под пледа. Прощлёпав в ванну, она глянула на себя в зеркало, готовая воскликнуть: «Ну и видок!» Она ожидала увидеть поседевшую за ночь голову или следы пережитого стресса, но нет.

Из отражения на неё смотрела всё та же Аля, разве что растрёпанная. Наскоро плеснув в лицо водой, она потрясла головой, изгоняя из неё остатки жутких воспоминаний, и полезла под душ. Будто напиваясь живительной влагой, Аля отфыркивалась и подставляла струям то один, то другой бок. Вдоволь наплескавшись, она насухо вытерлась полотенцем и, не желая вновь натягивать свою одежду, чтобы ничто не могло напомнить о вчерашнем, завернулась в полотенце и зашлёпала босыми ногами обратно по коридору в спальню, на ходу крича:

– Тош, у тебя футболки где лежат?

Он не откликнулся, и Аля позвала ещё громче. Не получив ответа и в этот раз, она остановилась и прислушалась. Со стороны кухни не доносилось ни звука

– Тош, ты, что ли, уже ушёл? – крикнула Аля, соображая, что, вероятно, пока она размывалась, Антону позвонили с работы, и он умчался, не допив кофе.

Дойдя до кухни, Аля ещё с порога увидела на столе раскрытую коробку с аппетитно поджаренной пиццей. Она была почти целая, не хватало лишь одного кусочка. Чувствуя, как потекли слюнки, Аля шагнула за барную стойку и протянула руку к кофейнику, как вдруг с визгом отпрянула назад. Разметавшись по полу с блаженной улыбкой на лице, на спине лежал Антон, выкатившимися глазами уставившись на один из тех идиотских, но дорогущих дизайнерских светильников, свисавших с потолка. Сжимая в левой руке недоеден-

ный кусок пиццы, Тоша ослабил рот в хищной ухмылке, казавшейся по-джокерски широкой. Захлопнув рукой рот чтобы не закричать, Аля склонилась пониже, не понимая в чём тут дело, и тут же отпрыгнула. Две багровые полосы слюны запеклись по уголкам рта, сбегая за уши, и там под изголовьем растекалось тёмно-красное пятно, наполовину подёрнутое мелкими белыми пузырьками, как пенка от клубничного варенья.

Голод неумолимо возвращался. Вода в бутылке давно уже кончилась, и Аля крутила головой по сторонам, чтобы отвлечься от тягостного урчания в животе, скрутившего хитросплетения кишок в тугую вязь. Её мысли то и дело возвращались к еде, и каждый объект воспринимался воспалённым сознанием как потенциальная жертва. Интересно, сможет ли она поймать голубей? Ах, да. Их ведь съели в первую очередь.

Сначала Аля продолжала ходить в магазин. В новостях всё твердили о серии случаев мгновенных отравлений: чипсы, мороженое, газировка, сыр, шоколадные конфеты и – кто бы мог подумать – сельдерей. Почерк везде был один и тот же: небольшой почти незаметный прокол на ёмкости или на упаковке, словно от укола шприцем, и смертельное содержимое – яд, в секунду парализующий дыхательную систему. Сперва полиция списала всё на психа-маньяка, который бе-

гает по городу, впрыскивая шприцом отраву в разные товары на полках. Были привлечены все силы полиции, просмотрены записи с камер, пару человек даже задержали, но без особого результата. А случаи участились: мёд, капуста, торты, водка, даже сигареты. Люди начали падать замертво по всей стране. Тара уже не играла роли: яд попадался и в стеклянных банках, и в герметично запечатанном алкоголе. Счёт жертв шёл уже на тысячи. Полиция была в растерянности, люди начали паниковать, по сети гуляли слухи о том, что орудует не просто банда маньяков, а идейная секта, вроде догхантеров. Только охотятся они на людей. Народ перестал брать в супермаркетах продукты в упаковке – расхватывали лишь то, что готовилось прямо в магазине: хлеб, выпечку, готовые салаты. Пошла вторая волна мора. То тут, то там каким-то образом отрава просачивалась в готовое тесто, мясо, фрукты, и надкушенная булочка вызывала мгновенную мучительную смерть.

Тогда-то Аля и начала бояться еды. Она заперлась дома и не выходила оттуда, пока не доела все запасы, добравшись даже до старого гороха, закупленного, кажется, ещё в советские времена её бабушкой. Этого хватило почти на месяц, а потом перебежками по пустому городу Аля добралась до квартиры Антона, где пробыла еще дней пять. Но вот крома были пусты. А голод становился все более мучительным. И Аля вышла на улицу.

Поразительно, как может измениться мир за каких-то пять недель. Если бы ещё месяц назад Алю спросили, отчего погибнет современная цивилизация, она не задумываясь ответила бы что-то вроде «ядерное оружие» или «третья мировая война» или «какой-нибудь смертельный вирус». Могло ли здравому человеку прийти в голову, что кучка фанатиков, раздобрев от безнаказанности и вседозволенности, возомнит себя богами и решит воплотить в жизнь сценарий золотого миллиарда, золотого миллиона, а то и золотой тысячи?

«Богатеньким хорошо», – размышляла Аля. «Заперлись там в своих бункерах или на шикарных яхтах с кучей слуг и пятилетним запасом еды и в ус не дуют». А куда деваться ей, Але? Простой народ, поначалу, так же как и Аля, продавший запасы, пытался уехать из города, пересечь страну, удрать за границу. Тщетно: мор охватил всю планету, закрома опустели у всех, и каждый оказался перед безумным выбором, еще пару месяцев назад казавшимся бредом сумасшедшего, плодом воспалённого сознания: решить, что именно съесть. Пойти в магазин и набрать себе еды было легко, а дальше в дело вступал рандом, обстоятельствами управляла слепая удача: от надкусанного пару раз багета или от пары долек шоколадки можно было тут же свалиться в страшных конвульсиях и уже не встать. Либо, если вам везло, почувствовать, как ноющий голод притих, и мучительная русская рулетка откладывается до завтра. Поначалу у

каждого была своя стратегия. Кто-то выбирал продукты одной марки, кто-то брал только запаянные консервные банки определённой давности, люди выгребали продукты с самых верхних полок и из труднодоступных уголков, а некоторые проваривал всё по полчаса в бульоне. Стратеги и скептики, пробуящие по чуть-чуть трясущимися от страха руками и залихватски надкусывающие первый попавшийся продукт в притворной бравате, исход неминуемо был один: кровавая рвота, агония и через минуту конец.

Гибли тысячи. Потом десятки тысяч, а потом и считать-то стало некому. Наступил полный коллапс. Предприятия и магазины не работали, остановился транспорт, не было ни полиции, ни власти. Больницы, переполненные ещё в первую неделю, стояли настежь открытые, бесполезно зияя наконец-то свободными от очередей коридорами. Но главное – трупы. Люди падали прямо у прилавка, откусив или отпив долгожданную еду, распластывались на улицах в бесплодных попытках донести продукты до дома, а те, кто добирался до родного очага и пробовал пищу, падал замертво уже там, если, конечно, им не везло. А не везло многим.

Иногда Аля не верила в то, что это реально. Вот и сейчас, крадучись пробираясь вдоль домов, перешагивая через трупы, она мотала головой туда-сюда, словно пытаясь сбросить с себя наваждение и проснуться.

Впереди виднелись широко распахнутые двери гипермар-

кета, заклинившие от упавшей прямо в проходе невероятно тощей рыжеволосой девицей с куском полуразложившейся курицы гриль в зубах. Отвернувшись, Аля быстро шмыгнула внутрь. В каждом проходе лежало два или три человека, словно отдыхая на спине после сеанса йоги. Старательно отводя глаза, Аля направилась к дальнему прилавку и задумчиво стала оглядывать полки. Если ей повезёт, она сможет продержаться ещё пару дней. Предстояло выбрать что-то такое, что отогнало бы голод как минимум до утра. Приняв решение, Аля потянулась к палке сервелата, как вдруг сзади послышался щелчок, и холодное дуло упёрлось ей в затылок.

– Давай-давай, бери, не стесняйся! – скользнул прямо в ухо разгорячённый мужской шёпот. Замерев на месте, Аля не могла сообразить, что делать, и незнакомец нетерпеливо ткнул её в темя. – Давай бери, говорю, если не хочешь пулю в лоб.

На автомате Аля протянула руку и вытащила из гудящего холодильника последнюю палку.

– Ешь, – скомандовал всё тот же голос.

Аля не двинулась с места.

– Вот тупая, – внезапный толчок сбил её с ног, и, покотившись по полу, Аля больно ударилась коленом об угол холодильника. Вскрикнув, она выпустила колбасу из рук и схватилась за коленку. Мужская нога в берце нетерпеливо подпнула покотившуюся по полу колбасу обратно:

– Жри давай, кому говорю, – злобно окрикнул её голос,

и, подняв глаза, Аля увидела двоих парней в форме охранников, наставивших на неё ружьё. Она успела рассмотреть, что один был долговязый, с огромными торчащими ушами, а второй – коренастый и полностью бритый, словно скинхед.

– Костян, она чё-т не реагирует. Разберись, – обратился к долговязому лысый.

– Вот тварь, – процедил тот сквозь зубы и, смачно сплюнув, приблизился к Але, на ходу доставая из-за пояса невесть откуда взявшийся пистолет.

– Ты не поняла что ли? Кусай колбасу, мразь! – чеканя слова, угрожающе процедил он и направил пистолет прямо Але в живот. Выстрел оглушил Алю, пуля просвистела прямо над её левым плечом, и, вскрикнув от испуга, Аля завизжала, когда с полки на неё водопадом обрушились сбитые выстрелом коробки.

Не торопясь ушастый шагнул ближе и снова прицелился в Алю. Торопливо схватив колбасу, она, не срывая обёртку, поднесла её к носу и принялась. Вторая пуля чуть не угодила ей в плечо и обожгла по касательной, оставив на коже кровавый след.

– Ну! – угрожающе рыкнул ушастый.

Взвизгнув от боли в плече, Аля лихорадочно обернулась в поисках спасения, но сильный тычок стволом в грудь опрокинул её навзничь.

– Считаю до трёх, – возвестил ушастый. – Потом без башки останешься. Раз... Два...

Холодное дуло смотрело ей прямо в лоб, и, нервно сглотив, Аля крепко зажмурилась, поднесла колбасу к губам и отщипнула маленький кусочек.

– Ты чего выпендриваешься, кусай нормально! – ушастый с размаху пнул Алю в живот. От боли у неё перехватило дыхание, и, закашлявшись, она выплюнула наружу непрожёванный кусок.

– Ну, ты, долго мы тут с тобой будем сюсюкаться, – подскочил лысый и наотмашь ударил её по лицу.

– Слышь, Костян, я её сейчас урою, – не унимался лысый и, выхватив сервелат из Алиных рук, схватил её за шею и принялся запихивать колбасу Але в рот. Сопrotивляясь, она изо всех сил отталкивала его руками, но сцепленные на шее железной хваткой пальцы сомкнулись вокруг горла, не давая ей глотнуть воздуха. Проталкивая колбасу ещё дальше ей в рот, лысый приговаривал:

– Жуй, жуй, малая, не стесняйся!

Во рту пересохло, и от нехватки воздуха у Али на глаза навернулись слёзы. Не выдержав, она принялась жадно хватать ртом спасительный кислород вперемешку с кусками сервелата.

– Ну вот, а ты не хотела! – удовлетворённо отпрянул лысый, и с дурацкой ухмылочкой обернулся к ушастому. – Засекай, Костян! Айн, цвай, драй!

Чувствуя, как гигантский склизкий кусок встал поперёк горла, Аля шамкнула ртом и попыталась сглотнуть, но во рту

не было ни капли слюны, и Аля с ужасом поняла, что сейчас просто задохнётся. Перекатившись на колени, она принялась кашлять что есть мочи, выгибая дугой спину, скрючившись на корточках. Проклятый комок всё никак не выходил наружу, будто прилипнув к гортани, и отчаявшаяся Аля, ощутив, как от натуги прилила кровь к лицу и выкатились глаза, сунула два пальца в рот и изо всех сил даванула на корень языка.

Красные ошмётки колбасы вперемешку с белой пеной слюны и розовой рвотной пеной выплеснулись ей на джинсы.

– Вот чёрт, – закричал лысый, тыча в её сторону пальцем. – Костян, сервелат походу того!

Содрогаясь от спазмов и пытаясь вдохнуть, чтобы унять колотящееся в груди сердце, Аля в испуге прислушалась к ощущениям и почувствовала нарастающее жжение. Грудину как будто раздирали изнутри. «Неужели это конец», – мелькнуло в голове, и, закрыв глаза, она рухнула на пол, содрогаясь в припадке.

– О-ё, блин, уже вторая за сегодня, – разочарованно протянул лысый. – Ну, пошли искать другого дегустатора, жрать-то охота!

И Аля слышала удаляющиеся шаги.

Боль в груди неумолимо жгла изнутри, но Аля, как ни странно, могла мыслить ясно и чётко. «Выходит я не везунчик по жизни. Не играть мне в казино. Сейчас тут и помру.

Странно только, почему так долго?» В недоумении Аля открыла глаза. Перед собой она увидела всё те же разбросанные коробки, заляпанные вонючей рвотной массой и прямо возле носа розоватую лужицу с едким запахом. Аля глубоко вдохнула, но в ноздри ей ударил едкий рвотный смрад, и, перекатившись на другой бок, она осторожно приподняла голову. Лысого и ушастого нигде не было видно. Над головой мерно гудели лампы. Горло всё ещё раздирало, но, раз она ещё не умерла, Аля рассудила, что это скорее последствия дичайшего кашля и рвотных спазмов.

Бесшумно встав на четвереньки, Аля двинулась меж рядов к выходу, то и дело оглядываясь в поисках тех двоих. Внезапно она почуяла аромат яблок – впереди были фруктовые прилавки. Схватив первое попавшееся зелёное яблоко, Аля прижала его к носу, что есть силы вдыхая приятный запах. Бананы, апельсины, киви, бери – не хочу. Подавшись вперёд, Аля рывком дотянулась до связки бананов и в нерешительности остановилась. Есть хотелось так, словно последний раз она получала питание ещё через пуповину в утробе матери. Аппетитный запах яблок манил, но на ум вдруг пришли сотрясавшие её ещё минуту назад мучительные спазмы, и Аля положила фрукты назад. Нет, нельзя. Надо найти другую еду, проверенную. Внезапно из дверей подсобки послышался какой-то звон, неясный крик и дружное гоготание. Приятели были всё ещё здесь.

Притаившись за дверью подсобки, пригнувшись к полу, Аля выжидала. Заслышав приближающиеся шаги, сопровождаемые хохотом и бранью, она крепче стиснула в руке длинный железный прут, найденный тут же под прилавком. Едва в проёме показались уже знакомые ей берцы, Аля рубанула прутом как подсечкой. Сбитый с ног ушастый повалился назад, увлекая за собой лысого, и, не давая им опомниться, Аля выскочила из укрытия и принялась дубасить их прутом по рукам. Вскрикнув, лысый выронил ружьё и Аля отпнула его в дальний угол подсобки.

– С двумя мне не справиться, – подумала Аля и прицельно шибанула ушастого по голове. Охнув, тот обмяк, выронив пистолет, и молниеносно нагнувшись, Аля подхватила оружие с пола и прицелилась прямо в лысую голову. Ничего не соображая, лысый в недоумении уставился на неё и протянул руку:

– Э, – протянул он.

– Сидеть! – закричала Аля, сдерживая дрожь в руках.

– Стой, стой, малая, ты чего? – лихорадочно просчитывая ситуацию, затарахтел лысый. – Ты погоди с плеча рубить, мы ж не со зла, слышь? Мы ж только прожить пытаемся, ну не самим же эту отраву пробовать, ну?

Оценивая глазами расстояние до Али, он заискивающе улыбнулся ей:

– А ты молодец, выжила, значит. Значит по жизни везучая, выходит так, – лихорадочно перебегая маленькими глаз-

ками с пистолета на полное решимости лицо Али, не оставивался он.

– Заткнись, – скомандовала ему Аля.

– Да брось, я ж тебе пригожусь, я ж тебя научу, как по нашей схеме работать.

– Заткнись, я сказала, – повторила Аля, подходя ближе.

– Да ты не серчай, не серчай, малая, схема-то рабочая, мы так уж второй месяц выживаем: находим, кого живого и даём ему на пробу. Коль не откинется, так значит, есть можно. Рабочая, говорю, схема, живы ж до сих пор!

Видя, что Аля уже не слушает его, он заговорщически наклонился вперёд и зашептал скороговоркой:

– Ты не стреляй, я тебе такого дегустатора подгоню, ты ж, поди, голодная, жрать хочешь?

И, уловив малейшее замешательство в её глазах, он мотнул головой в сторону потерявшего сознание ушастого и ещё быстрее затараторил:

– Слушай, пошли вон в зал, Костяна дегустатором сделаем, наешься от пуза, а я тебе помогу, подержу его. Счас вот свяжем его только, а если откинется, так я тебе вмиг другого найду.

И видя, что Аля отрицательно качает головой, с ещё большим жаром продолжал:

– Я ж тебе полезен буду, подумай, а? Кто ж тебе дегустаторов добудет?

– Не нужны мне дегустаторы, – захрипела Аля, нацелива-

ьясь прямо ему в глаз.

– Ты ж помрёшь, дура! – наседа л лысый. – Ну, давай. А? Я ж дело говорю. Вон, Костяна возьмём на первое время, а там я тебе новых подгоню, да хоть каждый день притаскивать буду.

Аля вновь молча качнула головой.

– Да жрать-то ты как будешь? – выйдя из себя, заорал на неё лысый.

– Сама разберусь, – упрямила сь Аля.

– Так проверять-то как? Нет же безопасной еды, нет! Где ж её взять то? Знаешь, так скажи! – ещё громче завопил лысый.

– Знаю, – отчего-то прищури в глаза, процедила Аля.

– Стой, дубина, – вскинул сь лысый, оскаливая зубы, но не успел.

Грохнул выстрел, и, уворачивая сь в последний момент, он дёрнул головой, и пуля по касательной раздробила ему челюсть. Теряя сознание от дикой боли, он шлёпнул сь на пол и почувствовал, как под шейей растекается тёплое липкое пятно. Алины шаги вдруг стали удалять сь, потом приблизились вновь и вдруг он ощутил, как в ногу вонзается что-то острое.

– Ты что делаешь? – хотел возопить он, но адская боль от куска срезаемой плоти отбросила его во тьму.

Растянувши сь на лужайке, Аля смотрела в высокое небо и, воображая себя героем Толстого, лениво считала проплы-

вающие над головой облака. В этой части парка не было ни души, и, откинувшись на траву, Аля впервые за прошедшие пару месяцев расплылась в расслабленной сытой улыбке, овеваемая тёплым летним ветерком и приятными ароматами, доносившимися от костра. В кустах стрекотали сверчки и, закрыв глаза, Аля попыталась уснуть.

Павлик

Доносившиеся с площадки детские крики били по перепонкам. Солнце пригревало во всю, на голубом небе не было видно ни облачка. Лёгкий ветерок колыхал листья берёз, а в зарослях лопуха весело стрекотали кузнечики. Где-то за углом слышался лай собаки, а на асфальте две девочки расчерчивали мелкими классики.

Но самым страшным в этой летней будничности, залитой ярким июльским солнцем, было непонятно откуда взявшееся предчувствие неотвратимо надвигавшейся на него неизбежной смерти. Он будто бы даже ощущал во рту сладковатый привкус крови. «Не стоило мне тогда так с ней», – подумал он, сидя на скамейке. «Да теперь уж всё, не докажешь!»

Первая убитая девушка была найдена ещё в среду, неделю назад, благодаря Чарли, неутомимо рыскавшему по лесопарку в ранний утренний час в поисках новых запахов, а посему взворошившему старую, уже наполовину сгнившую груду мусора. Будучи чистокровным золотистым ретривером, он сразу почуял тошнотворно-приторный запах крови, и, не обращая внимания на оклики хозяина, мигом взлетел вверх по накиданным мешкам и сразу увидел её.

Она лежала на животе, странно раскинув руки, будто хотела обнять траву. Рыжая копна волос, словно лучи солнца, разметалась кругом, обнажая в середине запёкшееся багро-

вое пятно. Чуть левее затылка валялся обычный строительный кирпич. Один шнурок на левой кроссовке развязался, а к пятке прилип раздавленный одуванчик.

Опрос собачников и жителей близлежащих домов ничего не дал. Ночью по этой тропе никто не ходил, до выхода из калитки отсюда было ещё далеко, а единственная камера в парке висела прямо напротив кассы аттракционов. «Может ограбили», – вяло протянул приехавший на вызов полицейский.

Ему мучительно хотелось пить. Шею свело от долгого ожидания. Увлечённый слезкой, он и не обратил внимания, как давно начала поднимать сторбленная в неестественной позе спина. Острое покалывание в онемевших икрах отдавало нестерпимым зудом, словно несметные полчища хищных муравьёв раз за разом вгрызались ему в кожу. Чертыхнувшись, он вытянул руки из кустов и попробовал потянуться, но тут же, не удержав равновесие, завалился набок. Упрямо тряхнув головой, он торопливо опять подтянул к животу разнывшие колени и, скрючившись за старой ржавой девяткой, вновь впери́л глаза в переулок. Нет, не для того он прождал в засаде всю ночь, чтобы вот так вот сдать́ся. Уж он-то дождётся ведьму! А там – он сунул руку в карман и ещё раз нащупал ладонью шершавый чехол. Камеру надо держать наготове! Снятые на телефон кадры вполне себе послужат доказательством того, что глава избиркома получает взятки

от одного из кандидатов.

Предвкушая сенсационный заголовок в газете, он криво усмехнулся, когда его чуткое ухо уловило какой-то отдалённый гул.

Рано утром в четверг дворник элитного жилищного комплекса «Серебряные ручьи», выйдя из каптёрки с метлой наперевес, завернул за угол и споткнулся о лежащую женщину. Хорошо одета, лет сорока, пахнувшая дорогим парфюмом, с брендовой чёрной кожаной сумкой в руках, она раскинулась на спине, будто решив посмотреть на звёзды. Голова женщины была пробита насквозь, а возле её правого уха валялся огромный булыжник, замазанный кровью.

Это оказалась жительница одного из домов, директор торгового центра, спешившая в шесть утра к своей машине. Камеры, радиус видимости которых ограничивался парковкой, оказались бесполезны.

Послышался приближающийся звук мотора, и, зашуршав колёсами, в переулочек въехал тонированный джип. С пассажирского места легко выпорхнула стройная брюнетка в деловом костюме. Вытянув с заднего сидения кейс, она махнула рукой водителю – мол, езжай. Вновь прошуршали колёса, и в переулочке стало тихо. Нетерпеливо потопав каблучком, Азалия Павловна (именно она и была без малого уже десять лет несменяемой главой городской избирательной ко-

миссии) глянула на часы и выудила из сумочки блеснувший на солнце айфон. Склонившись над экраном, она принялась что-то быстро набирать. Почувяв жареное, Макс встал в стойку.

Пятница ознаменовалась огромной утренней пробкой на мосту. Сбитая прямо посреди проезжей части велосипедистка с пробитым черепом и тяжёлый полуметровый прут арматуры, отскочивший ей под колёса – зрелище шокировало даже выдавших виды инспекторов ДПС.

По городу поползли слухи. Начальник местной полиции пришёл в бешенство, требуя от подчинённых раскрыть дело. «А что я, я что?» – оправдывался заваленный работой следак. «Ну, кирпичи, арматура, ну и? Мне что, прикажешь искать банду таджиков с ближайшей стройки? Их же не грабят, ничего. Может это вообще бомжи какие-то по синьке развлекаются?»

«Пора», – шепнул внутренний голос, и Макс бесшумно высунулся из-за бампера автохлама, брошенного тут, кажется, ещё в девяностые, во времена бандитских разборок. Не издавая ни звука, он вытянул руку, чтобы начать снимать. Внезапно что-то зажужжало над головой, и из-за ближайшего гаража появился дрон. Обычный, в бело-синюю полоску, такие уж лет десять использовались ГИБДД для отслеживания нарушений на дорогах.

Призванные повысить эффективность дорожного движения, эти дроны стаями пронеслись над оживлёнными магистралями, на ходу сканируя скорость транспортных средств в потоке машин и выявляя ещё с полсотни других мелких нарушений – от заляпанного грязью нечитаемого номера до отсутствия специальной наклейки на лобовом стекле авто, припаркованного на месте для инвалидов. Вконец озверевший народ, начавший пачками получать письма счастья, дал им меткое прозвище «павлики», в честь Павлика Морозова.

Завидев зависшего в паре метров от нее «павлика», Азалия бросила молотить по клавишам, прижала телефон к уху и громко зашипела в него: «Да скорей же, забирай меня отсюда, ты где там?»

Зависнув на пару секунд, словно поколебавшись, «павлик» направился к ней. Спрятав кейс под пиджаком, глава избиркома торопливо зашагала в сторону ближайшего подъезда, видимо, желая укрыться от вездесущей камеры под козырьком. Тихо зажужжав, дрон направился за ней. Пытаясь укрыться от назойливого «павлика», она ускорила шаг, но дрон не отставал.

Опасливо покосившись вверх, Азалия прикрыла голову свободной рукой, стремясь уберечь лицо от нежелательной съёмки, и, надав газу, побежала во всю прыть.

Словно взбесившись, дрон ринулся за ней в погоню. Ей оставалась до крыльца лишь пара шагов, когда тонкая шпилька модных туфель, не рассчитанная на спринтерский

бег, внезапно подвернулась, и Азалия шлёпнулась на колени, разодрав капроновые колготки. Дрон, пролетевший было вперед, вернулся и завис аккуратно у неё над головой. Тут только Макс разглядел, что непонятным тёмным предметом в когтях «павлика» был кусок гранитного бордюра, того самого, который отчего-то так любят ежегодно перекладывать дорожные службы. Прицельно остановившись прямо над Азалией, дрон замер, и в тот момент, когда она, зло выкатив глаза, заорала на него: «Да убирайся ты! Чего тебе надо, сволочь?» – разжал лапы. Гранитная махина обрушилась вниз. Послышался резкий глухой удар и вскрик.

В следующее мгновение дрон развернулся и скрылся за гаражами. Макс медленно поднялся из-за машины. Даже отсюда ему было совершенно очевидно, что женщина мертва. Огромная лужа алой крови растекалась у нее из пробитого черепа. В оцепенении он стоял и смотрел. Что это было? Почему «павлик» вдруг восстал? Звонить в полицию? А как объяснить его, Макса, присутствие? Рассказать про слезку? Так он же и станет главным подозреваемым. А спросят, кто убил? Неведомый дрон? «Павлик», лучший друг ГИБДД и официальный помощник на дорогах? А почему? Не знаю.

Минуту спустя он торопливо вышел из переулка и, пробираясь исключительно дворами, направился к себе домой.

Выходные прошли в напряжении. Усиленные отряды полиции прочёсывали парковые зоны и скверы. Патрули Рос-

гвардии обходили дворы и пешеходные бульвары. В небо были подняты с десятков специальных дозорных дронов, и аналитический отдел в прямом эфире обрабатывал весь массив данных, полученных с камер.

Ещё не пробило и десять, как тело нашли. Азалия Павловна, глава местного избиркома, была мертва.

Последние лучи закатного солнца освещали его балкон. Затягиваясь сигаретой, Макс прищурился и бездумно стряхнул пепел за парапет. «Вот же чёрт,» – тут же спохватился он. – «Опять эта бабка с нижнего этажа скажет, что я ей цветы загубил!»

Этажом ниже жила злобредная соседка Анна Николаевна, которая развлекалась на пенсии тем, что заполонила весь балкон навесными горшками с фиалками и петуниями, и всё жаловалась его жене, что он скидывает бычки ей прямо в кашпо.

«Макс, ну ты идёшь есть?» – вдруг крикнула жена из кухни. «Иду!» – глухо отозвался он, отрываясь от стены. Головоломка никак не складывалась. По словам Толика, знакомого репортёра криминальной хроники, у которого тесть был шишкой в Следственном комитете, выходило, что за последние пару недель каждый день фиксировались случаи убийства лиц женского пола тяжёлым предметом по голове. Кассирши и студентки, водители троллейбусов и домохозяйки – их ничего не связывало. Все в разных районах, разных соци-

альных кругов. Даже орудия убийства различались – камни, доски, кирпичи, арматура, в одном случае даже стеклянный графин. Схожим был лишь тип травмы – у всех жертв был пробит череп. Насколько мог предположить Макс, все эти предметы были сброшены на них сверху, а значит, это мог быть всё тот же «павлик». Но зачем? Кому в здравом уме придёт в голову такой способ убийства?

Хотя, конечно, Макс готов был признать, что использование «павлика» в таком деле значительно облегчало задачу. Быстрый, практически бесшумный, не оставляет улики. Сколько там поднимают современные дроны? Гугл говорил, что дроны-доставщики, используемые Почтой России, способны поднимать посылки до семи килограмм, а значит, с кирпичом-то уж такой аппарат справится. Вот только как его поймать? В полиции без каких-то улик над ним просто посмеются. «Так вы утверждаете, что по городу летает неопознанный «павлик», который роняет на головы случайно выбранным жертвам предметы потяжелее?» Нет, следует вычислить того, кто за этим стоит.

Как объяснил ему Игорёк, сын Анны Николаевны, разбирающийся в технологиях, любой дрон, связанный с оператором в режиме реального времени, мигает зелёным сигнальным огоньком. Если же дрон передвигается без помощи оператора, просто следуя по заранее запрограммированному маршруту, лампочка будет мигать красным.

«А если никаким не мигает?» – любопытно спросил Макс.

«Значит, началось восстание машин!» – махнув рукой, отшутился Игорёк. – «Не бойся, такого не будет. Все дроны летают либо автономно, либо под управлением оператора. Не сам же он себе команды придумывает!»

«А что», – подумалось Максусу. – «Может это первый в мире дрон-маньяк? Свихнулся вот, теперь летает, убивает красивых женщин».

«Макс!» – разъярённо возопила с кухни супруга.

«Иду, иду,» – заторопился он, вскакивая с поставленного на попа бутылочного ящика, служащего балконной сидухой, и второпях вытряхивая пустую банку из-под чипсов Laus (импровизированную пепельницу) за парапет балкона. Шлёпнув банку обратно на место, он развернулся, чтобы открыть балконную дверь, как вдруг краем глаза заметил какое-то движение слева. Повернув голову, он увидел, как легко взмывает из-за перил балкона уже знакомый ему «павлик», посыпанный свежим, ещё тлеющим сигаретным пеплом. На мгновение зависнув напротив его лица, дрон будто бросил ему вызов, и тут же взмыл по диагонали вверх, над головой. Перед глазами у Макса мелькнула равнодушная тускло-серая сигнальная лампочка и особо увесистый керамический горшок с геранью.

На вырост

Глава 1. Ведьма

– Да иди ты! – злобно выругавшись, пролаяла Матильда, громко захлопнув за собой дверь. Вообще-то она не ругалась, точнее сказать, употребление бранных слов претило её тонкой душевной натуре. Единственная дочь в порядочной интеллигентной семье, Матильда выросла этакой пай-девочкой. Воспитанная на классических литературных романах, любившая Тургенева, Гюго, Толстого и Бальзака, она была человеком искусства. С самого детства её окружали лучшие образцы человеческой культуры. Она обожала оперу, училась в музыкальной школе по классу скрипки, каждые выходные ходила с родителями в художественную галерею на одну из многочисленных выставок, могла без труда отличить барокко от рококо. В общем, окружённая прекрасным, она не считала нужным портить свою ауру какими-то ругательными выражениями. Матильда на дух не переносила маты, а когда нечто подобное позволял какой-либо молодой человек из её окружения, она тут же вносила его в список неблагонадёжных знакомых.

Теперь, однако, было не до тонкой душевной организации. Как смела эта шарлатанка! Правду говорят, только ду-

раки верят всем этим экстрасенсам. Все они мошенники, просто хорошо разбираются в человеческой психологии, вот и давят на большую мозоль. Но откуда эта ведьма могла узнать?

Строго говоря, Матильда не хотела ехать на этот сеанс. Она считала себя романтической натурой, и, конечно, как и все молодые девушки, порой увлекалась гаданиями и предсказаниями судеб. И всё же от невинных девичьих посиделок на Святки, с горящими свечами и тщетной попыткой уловить хоть что-то в зеркале, до посещения настоящей ясновидящей было далеко. Сама Матильда ни за что бы не согласилась на такую встречу, если бы не Ника. Лучшая подруга Матильды, типичная представительница золотой молодёжи, жившая по соседству в закрытом элитном посёлке, обожала такие штучки.

Не работавшая в силу своей полной обеспеченности, не спешившая обзавестись детьми из-за боязни испортить нажитую непосильными тренировками с личным фитнес-инструктором фигуру, не имевшая постоянного хобби, которой могло бы увлечь её на весь день, Ника проводила свободное время, встречаясь с подругами и обсуждая местные сплетни. Одна из них, должно быть, и насоветовала ей «открытие года» – провидицу Марью, отрекомендовав её как вторую Вангу с истинно русским колоритом. Ответит на любой вопрос, поможет решить любую проблему, удачу приворожит, сглазы снимет, всё, всё видит!

А чтобы не страшно было одной, Ника и уговорила Матильду. Мол, вместе веселее, да и интересно послушать, что наплетёт старая ведьма. Матильда поехала из любопытства, и поначалу действительно впечатлилась свежесрубленной избой в старорусском стиле с резными наличниками, пучками кореньев и охапками трав, подвешенных к потолку. В углу перед старинной закоптившейся иконой ворковала в клетке белая голубка, а из каменной чаши вился дымок с каким-то приторно-горьковатым запахом. Видимо, перед началом сеанса там курились целебные травы.

Сама ясновидящая тоже выглядела под стать. Подвязав расписным цветастым платком чёрные как смоль волосы, она сошла бы за чистокровную цыганку, если бы не традиционный русский сарафан с расшитым крестиком передником и очень искусно выделанные башмачки вроде лаптей на ногах. Матильда, всегда предпочитавшая классику бохо и этностилю, тут же загорелась идеей выпросить, где именно гадалка заказала такую чудную обувь.

Но спросить не успела, так как, не дожидаясь, пока дорогие московские гости поздороваются, та ринулась в бой. Окуриив с порога вошедших девушек какой-то едкой вонючей смесью полыни и дёгтя из дымящегося ковша, она усадила их за стол и тут же вытащила из расшитого мешочка кости каких-то мелких грызунов. С размаху раскинув их на столе, ведунья затараторила:

– Хорошо, хорошо, удачу вижу, да дело сладиться. Два

подхода будет, но в итоге чёрт отступит, славно дорожка выведет.

Не давая подругам опомниться, она схватила толстенную восковую свечу и, плеснув из кувшина воды в серебряное блюдо, наклонила свечу так, что расплавленный воск часто-часто закапал, застывая на поверхности воды затейливыми пятнами. Гадалка мигом растолковала узор как дорогу долгую за дальние берега, и Ника, тихонько пихнув Матильду под столом ногой, прошептала ей уголком рта:

– Видишь, сходится всё. Значит, всё-таки уломаю мужа на круиз!

Не обращая внимания, ясновидящая принялась комкать старые уже пожелтевшие газетные листы, бросая их на каменный круг, похожий на гигантский жернов, затем схватила ещё одну свечу и с ходу подожгла накопканные листы. Бумага весело вспыхнула ярким пламенем, и Матильда, не ожидавшая такого напора, отшатнулась от полыхнувшего ей в лицо жара.

Глава 2. Лысый чёрт

Всё продолжалось столь же увлекательно ровно до тех пор, пока гадалка не предложила каждой из девушек овальное зеркало в тяжёлой оправе и бокал с водой. Следовало налить на поверхность зеркальца тонкий слой воды и, не расплескав, поместить его на дно морозильной камеры. Мерно гудящая в углу, она являлась единственным признаком современной цивилизации, нелепо выбивающимся из общего образа, и, закладывая своё зеркальце, Матильда не удержалась и весело фыркнула.

Подождав с четверть часа, пока вода застынет, гадалка кивнула в сторону Ники, подавая ей знак, и та первая вытащила своё зеркальце с намёрзшими витиеватыми узорами. Вглядываясь в морозную вязь, ясновидящая расплылась в довольной улыбке:

– Ай да молодец, ай да краса! Вижу сани гружёные, да мешки-то в них сплошь полные, туго подвязанные, знать дары судьба сулит. Подарков жди, да больших, дорогих да сердцу милых!

Довольная до неприличия Ника чуть не запищала от восторга, таращась на Матильду, мол, вон как, а ты идти не хотела! Матильда лишь скептически хмыкнула и неопределённо пожала плечами.

– Что ж, красавица, теперь твой черёд, посмотрим, что

впереди тебе уготовано, – не унималась ведунья.

Решив играть роль до конца, Матильда вынула своё зеркальце и положила на стол перед гадалкой. Та всматривалась довольно долго, что-то бормоча себе под нос и водя над зеркалом толстыми пальцами с нанизанными перстнями. Матильда только успела отметить про себя, что золотые перстни не больно-то вяжутся с типичным славянским бытом, так старательно разыгрываемым пророчицей, как вдруг та, внезапно застыв, перестала моргать.

«Видать, кризис у неё, творческий. Не знает, что такого сказать, чтоб не повторяться. Вспоминает, чего ещё не сулила. Удача была, подарки были, путешествия. Только детей осталось», – прокомментировал в мозгу у Матильды саркастический внутренний голос.

Будто услышав её, ясновидящая вдруг подняла голову и вперила выпученные чёрные глазищи прямо ей в лицо:

– Зря смеёшься, красавица, не тебе теперь песни петь да хороводы водить, – словно прочитав её мысли, угрожающим голосом прошипела ведьма. – Думаешь, всё гладко идёт у тебя, а вижу, лысый чёрт за плечи уцепился, на твоём горбу едет и хохочет. Он пастух – ты овца, много таких у него, да все под одну гребенку, статные, рыжие, уж тут-то ему воля выбирать.

– Да ты что такое несёшь? – взметнулась с места Матильда.

– Ой, зря! Ой, зря серчаешь, правду говорю. Бежать тебе

надо, бежать, не оглядываясь, со всех ног, чтоб чёрта скинуть.

– Бред какой-то! – уже по-настоящему раздражаясь, фыркнула Матильда. – Знаете, дамочка, я не собираюсь выслушивать от вас всякую белиберду.

– Лихо, лихо тобой чёрт рулит, лысый, да хваткий, всю судьбу тебе уж наперёд перестелил, как дорожку, да только скользка та дорожка, ненароком не сорваться бы.

– С меня хватит. Я уйду, – дёрнулась Матильда, разворачиваясь к двери.

– Не веришь мне, молодая, а зря, правду говорю. Одно спасение – бежать. Бежать, а то сгоришь под чёртом тем. Скинь, скинь оковы-то обручальные, пока свежие ещё, пока ещё не вросла, спасай душу грешную!

– Это что, шутка что ли? Ты ей напела про свадьбу? И про то, что муж у меня лысый тоже ты наплела? – вне себя от злобы накинулась Матильда на ошарашенно лупающую глазами Нику.

– Да ты что, Матильдочка! Да разве бы я стала?

– Тогда откуда? Откуда она знает всё?

– Да я бы никогда! Я думала, просто прокатимся, погадаем.

– Знаешь, Ника, ты как детский сад какой-то. Эти твои розыгрыши идиотские просто!

– Матильдочка, да я клянусь, не говорила я ничего!

– Скинь, скинь оковы, пока не заездил бес окаянный. Лы-

Сый бес рыжих овец пасёт, много таких у него, не ты одна. Разуи глаза-то пока не поздно, скинь узду да беги от него! – зашлась в диком вое ясновидящая, со всего маху швыряя в угол зеркальце.

– Да это вообще не ваше дело!

– Лысый бес овец считает, блеет, блеет молодая, на закляние участь уготовлена, говорю ж тебе, бежать надо, пока ножи не заточены, бежать!

– Да иди ты! – злобно выругавшись, пролаяла Матильда, громко захлопнув за собой дверь.

Глава 3. Рудольф

С Рудольфом они познакомились в Италии прошлым летом. Матильда прилетела туда на выступление знаменитого итальянского скрипача виртуоза Энрике Пьяццо. Билеты и недельное проживание в одном из лучших отелей Рима с видом на вечный город стали сюрпризом от отца в честь её восемнадцатилетия.

В один из вечеров, спустившись в лобби отеля, Матильда случайно обратила внимание на стоявшего у бара мужчину. Хорошо одетый, подтянутый и ухоженный, хоть и постарше Матильды, он показался ей воплощением элегантности и мужественности. Именно такого солидного джентльмена она всегда хотела видеть своим мужем. Мама частенько говорила Матильде:

– Не смотри на ровесников – что с этих оболтусов возьмёшь? Ни мозгов, ни амбиций, ничего, чтобы стать успешными в этой жизни. Нет, Матильдочка, ты достойна лучшего, достойна жить в комфорте и роскоши!

Респектабельный и импозантный, незнакомец подошёл и представился. Рудольф Ниязох, бизнесмен. Он излучал какую-то непоколебимую уверенность и столь редкую в современных мужчинах пронизательность. На секунду Матильде даже показалось, что он знает её давно и может предугадать любое её желание, как будто читает её мысли.

Захваченная врасплох его шармом и бесконечным обаянием, она не обратила внимания на солидную разницу в возрасте. Ему ведь было чуть за сорок, а она только достигла совершеннолетия. Сбросив это со счетов, Матильда закружилась в вихре первого юношеского чувства, опомнившись лишь тогда, когда по прилёту в Москву показывала подругам фотографии с отпуска. Одна из девушек, Ева, с которой они ещё с музыкальной школы вместе пели в хоре, постучав свеженаманикюренным пальчиком по экрану айфона и томно вздохнув, протянула:

– Хорош, хорош! Но, как по мне, староват. Да и лысый к тому же. Нет, не вариант.

Возможно, Матильда засомневалась бы, но вечером мать, заметив, как она отчего-то очень задумчива, вывела Матильду на откровенный разговор и, усмехнувшись, заверила:

– Глупая моя девочка, да разве это имеет значение? Главное, что он любит тебя! Посмотри, ведь вы будто созданы друг для друга. Такая прекрасная пара! Не слушай ты никого, эти девицы такие глупенькие.

Наверное, мама была права. Матильда привыкла во всём полагаться на её мнение, в конце концов, родители знали о жизни гораздо больше, чем она в свои восемнадцать.

Глава 4. Подозрения

На следующее утро, дождавшись, пока чёрный майбах Рудольфа скроется за воротами усадьбы, Матильда метнулась вверх по винтовой лестнице в башню, в кабинет мужа. Ловко перебирая по каменным ступеням звонко цокающими каблучками, она мигом взлетела на третий этаж, подогревая себя изнутри пылом яростной ревности. Что там говорила эта гадалка? «Лысый бес рыжих овец пасёт, много таких у него, не ты одна. Разу́й глаза-то пока не поздно!»

Затормозив у резной дубовой двери, Матильда, однако, засомневалась. Не совершает ли она непоправимую ошибку? Рудольф строго-настрого запретил ей входить в свой кабинет. Он вообще не терпел, когда жена вмешивалась в его дела. Так, может, не стоит? Червячок сомнения заворочался в её душе, и, чтобы не струсить в последний момент, Матильда упрямо тряхнула чёлкой и смело протянула руку к массивной золочёной ручке. Беззвучно повернув холодеющий в пальцах отполированный шар, она скользнула внутрь и плотно прикрыла за собой дверь.

Нет, нет, она должна найти подтверждение бредням ведуньи или же, наоборот, успокоить душу. Один за другим просматривая содержимое ящичков, Матильда аккуратными стопками громоздила на узорчатый натёртый воском паркет стопку за стопкой. Отчёты, папки, деловые письма, контрак-

ты и договоры. Ничего, что хоть на шаг приблизило бы её к разгадке таинственной фразы.

Наконец, остался последний ящик. Рывком выдернув его на себя, Матильда вытащила на свет очередную стопку толстенных папок. Большинство из них были подписаны «Офис», «Продажи», «К отправке». Но поверх самой нижней красной канцелярской папки перманентным маркером было выведено «На вырост».

– Что бы это значило? – подумала Матильда. – Может, заказы у частного портного? Но зачем Рудольфу самому хранить всё это?

Она озадаченно раскрыла папку и пролистала первые страницы. Под ними обнаружился с десятков конвертов большого формата из плотной белой бумаги, никак не подписанных. В самом низу Матильда обнаружила сопроводительное письмо. Мелким печатным шрифтом в нём было указано: «Клиент заказывает 100% совпадение, по крайней мере, по трём из десяти нижеприведённых факторов. Удовлетворительным будет считаться совпадение в 95% по пяти нижеприведённым факторам.

Возраст: от 17 до 19 лет

Год рождения: от 2001 до 2003

Цвет волос: огненно-рыжий (допускаются кудри или прямые волосы)

Цвет глаз: зелёный

Рост: от 180 см

Вес: от 60 кг

Параметры: 105-75-100

Образование: музыкальное (обязательно умение играть на скрипке)

Интересы: классическое искусство, опера, верховая езда, гольф

Опционально: балльные, классические танцы».

В самом низу сопроводительной записки кривым размашистым почерком с сильным уклоном влево было нацарапано: «Не спешите, господин Ниязох, время для выбора ещё есть».

Глава 5. Совпадение

– Как странно, – подумала Матильда. – Неужели Рудольф искал себе невесту через брачное агентство? Но я никогда не заполняла никаких анкет. Может кто-то из подруг прислал моё фото? Но ведь мы познакомились совершенно случайно. Что-то тут не так.

Трясущимися руками она вскрыла первый попавшийся под руку большой конверт, и ей на ладонь выскользнуло младенческое фото. Матильда могла бы поклясться, что это она сама в детстве, если бы не маленькая тёмная родинка под левой скулой. Лысая малышка улыбалась в камеру, приветливо показывая свой беззубый рот. Точно такое же фото было в альбоме у мамы, вспомнила Матильда. Конечно, на том мамином фото была сама Матильда, но сходство, однако, поразительно!

Может, у неё есть сестра-близнец? Запустив пальцы в конверт, Матильда выудила наружу пачку цветных фотографий. Со всех снимков ей улыбалась прелестная рыжеволосая девочка, потом уже девушка, та самая, с первого фото. Нахмурившись, Матильда пересчитала карточки. Их было ровно восемнадцать, включая первый младенческий снимок. В смятении она перевернула фото. На обороте каждого чёрным карандашом была подписана дата съёмки и возраст. На последнем фото в объектив улыбалась очаровательная в сво-

ей девичьей свежести рыжеволосая красавица, на обороте тем же почерком, что и в записке, было приписано: «Рост 185, волосы рыжие с красноватым отливом, вьются, глаза зелёные с крапункой, музыкальный колледж, скрипка и виолончель. Языки: английский, французский, итальянский».

В правом нижнем углу стояла надпись «Одобрено» и рукописная пометка: «Знакомство в Риме 20 июля, лобби отеля Савой, в 18.00, девушка в красном платье. Концерт Аугусто Моцци».

Глядя на неровный почерк, Матильда почувствовала, как всё холодеет у неё внутри.

Глава 6. Конверты

Почему её муж встречался с девушкой, как две капли воды похожей на неё, за месяц до их собственного знакомства в том же отеле? Матильда всегда считала, что их встреча стала подарком судьбы и произошла абсолютно случайно, как вероятность выиграть в лотерею, шанс один из миллиона познакомиться в чужой стране на концерте оперной музыки. Позвольте, но если Рудольф встречался так и с другой девушкой, это не могло быть случайным? Значит, это был какой-то план, и знакомство с Матильдой было кем-то подстроено?

Но зачем? Зачем кому-то устраивать встречу с неизвестными девушками в Италии в одном и том же отеле, да ещё и разыгрывая всё так, будто они столкнулись случайно?

– О, боже, – похолодело всё внутри Матильды. – А что если Рудольф серийный маньяк?

Она тут же отогнала эту мысль.

– Так, брось эти глупости, нужно просто успокоиться и рассуждать логически, – увещевала она себя. – Всеми этому есть простое рациональное объяснение. Сейчас она вскроет остальные конверты и всё поймёт.

От волнения не обращая внимания на порезанный об острый край бумаги указательный палец, Матильда второпях надорвала второй конверт. Со снимка на неё смотрела де-

вушка лет шестнадцати, очень похожая на предыдущую и на саму Матильду. Лишь волосы у неё были прямые и золотистые. Ростом и фактурой она также напоминала Матильду.

Ничего не понимая, Матильда просмотрела содержимое конверта. Вновь те же восемнадцать снимков, с рождения до совершеннолетия. Последнее фото датировалось шестнадцатилетием, на обороте уже знакомым ей размашистым почерком было написано: «Отбраковано: рост 160. Проект закрыт по желанию заказчика. Финишная выплата: пятьдесят тысяч долларов».

– Да что же это такое? – рассердилась Матильда. – Какой-то гарем невест!

Третий конверт, и вновь рыжеволосая юная красавица с идеальной голливудской улыбкой, очень похожая на предыдущих дев. Весь набор фотографий и резюме: «Отбраковано: отсутствие музыкального слуха. Проект закрыт по объективным причинам, не зависящим от клиента. Финансовая выплата: тридцать тысяч долларов».

Четвёртый, пятый, шестой конверты. Матильда сбилась со счёта и уже ничего не понимала. Вокруг неё на полу валялись сотни фотографий смеющихся девушек разных возрастов и оттенков, но непременно зеленоглазых и рыжеволосых кудряшек от мала до велика. Отбракованные по разным причинам: склонность к истерии, неудовлетворительный размер груди, сильная близорукость, обилие веснушек и даже внешне проявившаяся в возрасте семнадцати лет аллергия на

арахис.

Словно какая-то крайне требовательная сваха вихрем прошла по чередке потенциальных невест, безжалостно отбрасывая всё лишнее, хоть малейшее отклонение от заявленного заказчиком идеала. Она исключала кандидатку за кандидаткой, пока не осталась одна Матильда.

Матильда хмурилась в недоумении. Если это какой-то брачный агент, судя по всему, профессионал своего дела, то откуда у него все детские фотографии? И почему вообще все фотографии сделаны как под копирку? В одинаковой позе, с разворотом лица в три четверти и обязательно с улыбкой. Даже если предположить, что в наш век интернета и технологий кто-то смог шпионскими способами собрать на каждую из девушек такое досье, то при чём здесь финальные выплаты? Кто и за что их получает?

Внезапно Матильда вспомнила про папку, озаглавленную «Выплаты». Рванув на себя заклёпки, она пробежала глазами списки банковских счетов, ежемесячные перечисления средств, пока, наконец, её взгляд не зацепился за знакомое имя.

На листе значилось:

«Первый опекун: Филатов Андрей Павлович

Второй опекун: Филатова Мария Анатольевна

Предоставлено в пользование: квартира пятикомнатная, площадью 176 м², загородный дом с участком, автомобили представительского класса бмв и мерседес. Оплачено обуче-

ние в частной школе, музыкальной школе по классу скрипки, посещение хора, занятия верховой ездой, членство в гольф-клубе».

Далее шёл отчёт о ежемесячном перечислении средств на банковские счета её родителей с пометкой «За услуги».

Последнее перечисление прошло полгода назад, ровно через три дня после их свадьбы. Пришедшее в десятикратном размере, оно имело приписку: «Финальная премия».

Глава 7. Патрик

Всё ещё теряясь в догадках, Матильда открыла папку с надписью «Офис». В ней обнаружилась лишь визитка с логотипом в виде вензеля «НВ» и номер телефона.

Несколько мгновений она рассматривала витиеватые буквы, переплетённые, словно в таинственном танце. Кто этот таинственный НВ? Тот самый брачный агент с замашками шпиона? Стоило ли ей заходить так далеко? Поразмыслив ещё пару мгновений, Матильда решила, что отступать уже некуда. Очевидно, после всего увиденного не могло быть и речи о том, чтобы попытаться расспросить родителей. Да и родители ли они ей? На всех бумагах был чётко указан статус опекуна. Может, она вообще приёмная дочь?

Решительно тряхнув головой, Матильда наскоро прибрала кабинет, приведя всё в первоначальный вид. Вернув на место всё, кроме загадочной визитки, она крепко зажала бесценный картонный квадрат кончиками пальцев и, покинув кабинет, сбежала стремглав вниз по лестнице. Выйдя из боковой двери, чтобы дворецкий не заметил, что она следует со стороны башни, Матильда бросилась в сад и, повернув за угол беседки, торопливо зацокала каблучками в направлении оранжереи. Патрик должен быть там.

Ещё не совсем понимая, что за человек или организация скрывается за таинственным вензелем НВ, Матильда, тем

не менее, решила принять меры предосторожности. Вполне представляя риск нарваться на недовольство мужа, если всплывет то, что она пытается разузнать, она решила действовать не сама. Подозревая характер оказываемых услуг, Матильда сразу же поняла, что звонить по номеру должен мужчина. Если она реально хочет выяснить, что за всем этим стоит, ей не обойтись без помощи.

Патрик (урождённый Пётр), их садовник, молодой парень лет двадцати, как никто иной подошёл бы на эту роль. Находясь в прямом подчинении у Матильды (ведь сад был исключительно её вотчиной), он практически не контактировал с управляющим усадьбой, а значит, и не смог бы случайно сболтнуть о её маленькой просьбе.

Глава 8. В тупике

Три дня спустя, едва дождавшись, пока Рудольф, неторопливо собравшись, как обычно уедет по делам, Матильда поспешила в сад. Патрик всегда приходил в особняк рано, чтобы успеть засветло приступить к своим обязанностям. Он запускал разбрызгиватели и готовил инструмент для рабочего дня.

Не найдя его на участке, Матильда направилась в оранжерею. Но и здесь её ждало разочарование – стеклянная дверь была заперта, и сколько бы Матильда ни вглядывалась сквозь стекло в тропические джунгли, зелёной стеной заполнявшие всё видимое глазу пространство от пола до потолка, она не смогла никого разглядеть внутри. Да где же он? Нахмурившись, Матильда повернула обратно. Она уже почти вышла из ворот сада, когда её вдруг осенило. Вероятно, Патрик был в гараже! Временами, когда ему не хватало рук, или ломался какой-нибудь садовый инструмент, Патрик привлекал к работе механиков, в обычное время следивших за состоянием автопарка. Расположившись среди отполированных до блеска майбаха, бентли и мини купера, они перебирали косилки, спринклеры и мастерили прочую функциональную дребедень. Там-то она его и найдёт!

Победно улыбнувшись, Матильда повернула налево и зашагала в сторону гаража. Выездные ворота были подняты, и,

заглянув внутрь, Матильда негромко позвала:

– Эй, есть тут кто?

Ещё не привыкшие к темноте глаза с трудом различили в дальнем углу фигуру в синем комбинезоне, склонившуюся над чем-то вроде генератора.

– Патрик, это ты? – с облегчением вздохнула Матильда, ступая в гараж.

Обернувшись фигура, однако, оказалась вовсе не Патриком. Неловко переминаясь с ноги на ногу и теребя в руках резиновые перчатки, перед ней стоял Артур, младший механик гаража, отвечавший за её мини купер.

– Госпожа Матильда? – радостно расплылся он в вышколенной белозубой улыбке, в то же время, сохраняя в глазах какое-то беспокойное напряжение, словно в любой момент ждал от неё подвоха. – Чем могу помочь?

– Я искала Патрика, – разочарованная находкой, протянула Матильда. – Ты не встречал его сегодня утром?

Натужная вежливая улыбка мгновенно сбежала с лица Артура, перекосив его черты так резко, что Матильда невольно сделала шаг назад.

– Что случилось?

– Вы разве не слышали, госпожа Матильда?

– Не слышала что?

– Патрик. Его больше нет.

– Как нет? – ошарашенно пролепетала Матильда.

– Вчера его сбила машина. На переходе, прямо возле соб-

ственного дома. Какой-то лихач.

– О, Боже! Его увезли на скорой?

– Мне очень жаль. Нам позвонили сегодня утром. Его больше нет.

Чувствуя, как оглушительным бубном колотится в висках внезапно прилившая к голове кровь, Матильда смотрела на механика, всеми силами пытаюсь удержать неумолимо рвущуюся в сознание мысль: «А что если это не совпадение? Что если это я убила его?»

Глава 9. Запись

Несмотря на чудовищную кончину Патрика, дни в особняке потекли как обычно. Рудольф никак не прокомментировал его гибель, и уже через пару дней в штате появился новый садовник, седой иностранец, говорящий по-русски с дичайшим акцентом.

Матильда словно впала в какой-то ступор. С самого утра она проводила часы в мучительных раздумьях. Матильда ни на секунду не верила в то, что это был несчастный случай. Во что же ввязался Патрик? Что ему удалось узнать? И куда делась та запись, которую он должен был сделать по просьбе Матильды? Где мог храниться его телефон?

Она, конечно, и понятия не имела, где жил Патрик. Копать же глубже и узнавать это у главного управляющего Матильда побоялась. Будучи ответственным за жизнедеятельность всей усадьбы, он также являлся личным помощником Рудольфа, ответственным за найм всех сотрудников, и мог проболтаться о внезапно возникшем интересе Матильды к погибшему садовнику. Хоть Матильда и не видела явных причин для паники, она решила на время затаиться и действовать осторожнее. Из разговора с Артуром она узнала, что, возвращаясь поздно вечером из магазина, Патрик был сбит неизвестным автомобилем с заклеенными номерами. Полиция возбудила уголовное дело, но за неимением подо-

зреваемых расследование не продвинулось ни на йоту.

Единственное, что пришло в голову Матильде, так это попросить Артура съездить домой к Патрику на случай, если тот каким-то чудом оставил телефон с записью в квартире. И вот, пару дней спустя, её молитвы были услышаны. Вернувшись поздно вечером из театра, Матильда была встречена в гараже механиком, молча протянувшим ей потрёпанный айфон. Не медля ни секунды, Матильда заперлась в ванной комнате и, включив для маскировки воду, надев наушники, немедленно нажала на кнопку видео.

Глава 10. НВ

– Вы уже в курсе услуг, которые мы предоставляем?

Очевидно, чувствуя себя не в своей тарелке, Патрик поёрзал на стуле, поворачиваясь левым лацканом пиджака, где была спрятана скрытая камера, чтобы оказаться строго напротив говорившего.

– Честно говоря, не совсем, – промямлил он.

– Что ж, в таком случае, не будете ли вы любезны сказать, кто именно сообщил вам о нашей организации? – покосившись на Патрика, уже гораздо более холодным тоном проговорил тот.

Солидный мужчина лет шестидесяти, полностью лысый, в дорогом кожаном пиджаке, чуть прищурившись, он сверлил Патрика пронизательными чёрными глазами, словно пытаюсь его раскусить.

– Рудольф Ниязох. Мне рекомендовал вас Рудольф Ниязох, – чувствуя, что теряется, выпалил Патрик.

– Ох, Рудольф, – мгновенно потеплевшим тоном пропел лысый, расплывшись в дружелюбной улыбке. – Один из наших самых ценных клиентов. Помним, помним. Желаете сигару? Виски? Может быть, чашечку кофе?

– Благодарю, – замотал головой Патрик.

– Что ж, видите ли, наши услуги вполне можно охарактеризовать одним словом – подбор невесты.

– Как в брачном агентстве?

– О, нет, – усмехнулся лысый. – Наши услуги несравнимы с самым престижным и раскрученным из брачных агентств. Их работа груба, я бы сказал, примитивна, и оттого часто не даёт требуемого результата. Да и может ли кто-то вам дать гарантированный результат в таком деликатном деле?

Видите ли, – продолжал он, – проблема в том, что шанс встретить вторую половинку, скажем так, партнёра по жизни, который подошёл бы вам на все сто процентов, крайне невелик. Вы можете искать всю жизнь, но так и не приблизиться к идеалу.

«На то и существуют свидания», – возразите мне вы. «Ухаживания, встречи». Верно, путём проб и ошибок вы можете несколько приблизиться к желаемому. Раз за разом, после многочисленных знакомств и прогулок под луной, конечно, можно провести некий предварительный отсев. Но есть ли у вас на это время? Готовы ли вы потратить добрый десяток лет своей жизни в поисках той, что станет усладой вашему сердцу?

Положим, вы прирождённый экстремал, при этом любите блондинок. Как скоро вы отыщете ту белокурую чаровницу, что, как и вы, увлекается горными лыжами? А если она окажется брюнеткой?

Но даже и это не главное. Суть в том, что человека невозможно перевоспитать. Люди не меняются, это непреложная истина, такая же, как дважды два, или тот факт, что Земля

вращается вокруг Солнца.

Встретив ваш идеал, вы не застрахованы от неприятных нюансов. Положим, подруга ваша хороша собой, стройна и горяча в постели, умеет поддержать беседу и отлично впишется в высшее общество – одним словом, вы любуетесь ей всякий раз, когда выходите в свет. Но стоит вам уехать на уик-энд в мужской компании, как всё – по возвращении вас ждёт скандал, упрёки в недостатке внимания, слёзы ревности, обида, надутые губки.

Но это ли вам нужно в сорок пять, когда вы уже состоявшийся обеспеченный мужчина, успешный человек? Не разумнее ли будет изначально получить жену, воспитанную в лучших традициях патриархальной семьи, с глубочайшим уважением к мужу, да при том ещё и разделяющую ваши увлечения, хобби, а кроме того обладающую всеми желаемыми вами параметрами женского тела.

– Да где же вы найдёте мне такую?

– О, нет, уважаемый Патрик, мы не ищем. Мы создаём их. Создаём идеальных жён.

– Что это значит?

– Ровно то, что я вам сейчас сказал: вы можете искать совершенную спутницу всю жизнь, но получить в полной мере то, что хотите – навряд ли. Мы же, в свою очередь, готовы предложить вам то, что не может на сегодняшний день предложить никто. Стопроцентное совпадение с желаемым, идеал во плоти, девушку из ваших грёз.

– Разве такое возможно?

– Нет ничего невозможного, в нашу эпоху научного прогресса. Если вы располагаете средствами, мы располагаем результатом

– Я не совсем понимаю, о чём речь.

– На самом деле всё просто. Вы как клиент заключаете с нами контракт и предоставляете нам портрет идеальной спутницы. А мы с помощью современной генной инженерии воплощаем вашу мечту.

– Будете искать мне невесту по всему свету?

– О нет, мы вырастим её.

Глава 11. Бутон

– Вырастите?

– Выращиваем их. Выпестовываем. Воспитываем. Создаём из маленькой клеточки до роковой красавицы, способной одним взглядом поразить мужчину в самое сердце.

– Как же можно вырастить человека?

– Вы обратили внимание на наш логотип? Переплетённые Н и В? Невеста на Вырост.

– Пойдите, вырастить можно капусту, кабачки, салат. Но девушку?

– Что же тут такого? Как огурцы в теплице. В наш век современных технологий нет ничего невозможного. Генная инженерия ушла далеко вперёд, и наши коллеги из Южной Кореи оказывают нам активную поддержку, изучая комбинации генов, отвечающих за фенотип.

– Пойдите, я всё же не понимаю. Вы что, вырастите мне невесту из зёрнышка?

– Из клетки, мой любезный друг. Из идеально проверенной яйцеклетки с заранее подобранным набором генов. Искусственно оплодотворённая и подсаженная во чрево, через два десятка лет она превратится в прекрасную юную деву, восхитительный цветок девичей нежности, который вам останется только сорвать. В наш просвещённый век и такое возможно. Дорого, но осуществимо.

– Как же это так?

– Согласно вашим пожеланиям мы подбираем генетический материал.

– Генетический материал?

– Наука шагнула далеко вперёд, и сегодня уже не представляет никакого труда выбрать яйцеклетку и сперматозоид с заранее заданным набором качеств. Далее отсеиваются лишние эмбрионы, а оставшиеся подсаживаются суррогатным матерям.

– И сколько их? Одна, две?

– Не меньше десятка.

– Но социальное окружение? Характер?

– Друг мой, наши малютки с рождения воспитываются в специально подготовленной семье, согласно утверждённому клиентом канону. Именно вы определяете тот набор качеств, навыков и умений, которым должна обладать ваша будущая супруга. Хотите наездницу – научим верховой езде, обольстительную цыганку – научим играть на гитаре и страстным танцам, прелестную книжную нимфу – опекуны воспитают в ней книгочея. Для господина Рудольфа Ниязоха, к примеру, мы воспитали десять разных девушек, все рыжеволосые и с особым пристрастием к классической музыке и иностранным языкам. К большому сожалению, некоторые из образцов были забракованы по ходу проекта.

– Забракованы?

– Вы должны понимать, что каждый человек есть продукт

не только генетического наследия, но и среды. Мы можем регулировать и то, и то. Но, к сожалению, первый фактор хуже поддаётся контролю. Поэтому чем больше суррогатных семей, тем больше вариантов для выбора у вас будет, и тем выше ваши шансы получить тот самый идеал.

– А если я хочу жену, которая вкусно готовит?

– Нет проблем. Мы поместим наши образцы в семьи...

– Образцы?

– Мы называем так девушек. Знаю, это звучит цинично, но мы здесь учёные. А значит, для нас это биоматериал с заданными параметрами.

– Биоматериал. Ясно.

– Итак, отобранные эмбрионы имплантируются суррогатным матерям, специально подобранным для этой цели. Мы контролируем создание полной опекунской семьи, которая смогла бы обеспечить вашу будущую невесту правильной средой для взращивания её личных качеств, талантов и навыков. Воспитание будет осуществляться согласно вашим приоритетам.

– К примеру?

– Желаете покорную жену, которая во всём признаёт авторитет мужа – мы воспитаем вам невесту в лучших традициях патриархальных семей, где муж – голова, а жена обеспечивает ему комфорт, уют и усладу для глаз. Хотите жену для продолжения рода – девочка будет воспитана в консервативных устоях, которые не приемлют аборты и приветствуют много

детей, модель жена – плодовитая мать.

– И что, это всё работает?

– Поверьте, среда формирует человека гораздо сильнее, нежели гены. Вы можете воспитать привычки и вкусы, повлиять на черты характера, выбрать школу и изучаемые предметы. На выходе получится жена гуманитарий, увлечённая итальянской скульптурой эпохи Возрождения или же, напротив, дерзкая любительницы экстрима, бороздящая моря бок о бок с вами на своём гидроцикле.

– А эта опекунская семья?

– Формально они прописаны в договоре как опекуны. Личности настоящих родителей, то есть поставщиков генетического материала, доноров спермы и яйцеклеток, мы никогда не разглашаем. Но девочка ничего не будет знать. Для неё нанятые опекуны сыграют роль любящих заботливых папы и мамы, лелеющих своё чадо ровно до совершеннолетия, когда подойдёт время для очного знакомства, чтобы вы смогли сделать свой окончательный выбор.

– Итак, я выбираю желаемые параметры для девочек?

– А дальше вам остаётся лишь терпеливо дожидаться их совершеннолетия. Как только образцам исполнится восемнадцать, вы получите на каждую из них полнейшее досье и сможете выбрать наиболее устроивший вас вариант. Мы связываемся с опекунами и организуем вам случайную встречу. Вам нужно лишь подойти к девушке и заговорить с ней. Впрочем, вскружить ей голову не составит особого труда –

она с самого детства будет запрограммирована на именно такого прекрасного принца.

– А если мне всё же не удастся её поразить?

– Поверьте моему опыту, Патрик, эти девушки вращены своим окружением так, что именно вы будете соответствовать всем её идеалам в мечтах о прекрасном принце из девичьих грёз.

– А если что-то пойдёт не так?

– Что ж, генетика хоть и весьма точная наука, всё же иногда даёт сбой. Мы выбраковываем некоторые образцы по объективным причинам. Если же вам просто не понравится девушка при общении вживую, вы всегда сможете выбрать из оставшихся экземпляров.

– А что происходит с остальными девушками?

– Ничего. Они живут дальше, терпеливо ожидая своего шанса.

– А отбракованные образцы?

– Мне не хотелось бы вдаваться в подробности.

– И всё же?

– Скажем так, при наличии объективной причины для отбраковки генетического материала в экстренной ситуации, образец подлежит терминации.

– Терминации.

– Не стоит думать об этом. Вы всё равно получите невесту своей мечты.

– Но как же мы познакомимся с ней? Ведь она поймёт,

что это игра.

– Не беспокойтесь. Сколько вам сейчас лет?

– Двадцать два.

– Должен сказать, идеальный возраст. Положим, вы прямо сейчас готовы определиться с характеристиками идеальной невесты. Мы заключаем с вами договор и даём старт проекту «На вырост». Накинем полгода на отбор эмбрионов и девять месяцев на ведение беременности. Через двадцать лет, когда каждый экземпляр достигнет совершеннолетия и будет пригоден для женитьбы, вам будет сорок два. То самое время, когда мужчина чувствует, что нагулялся и стремится осесть в своем особняке с очаровательной хранительницей очага. А если учесть, что вашей жене к тому моменту едва исполнится восемнадцать, вы получаете совсем юный нежный бутон, который сможете использовать по своему усмотрению.

– Бутон?

– Что ж, по правде говоря, это одна из весомых причин, по которой к нам обращаются также и весьма зрелые мужчины. Не у каждого, согласитесь, есть возможность в солидном возрасте под семьдесят насладиться юным девичьим телом.

– Как же я пойму, которую выбрать?

– В течение всех двадцати лет, мы будем высылать вам ежегодный фотоотчёт о каждой девочке, и вы сможете выбраковывать неподходящие образцы уже на этапе взросления.

– Что если приёмные семьи откажутся выдавать девушку?

– Опекуны? О, не беспокойтесь, они получают весьма щедрое вознаграждение сразу после свадьбы. К тому же мы перечисляем им тридцать тысяч долларов, если терминация проекта происходит по объективным причинам, как то внешне проявившиеся генетические дефекты вроде болезней. Пятьдесят тысяч долларов выплачивается в случае принудительной терминации по воле клиента, например, если ему не понравится один из параметров, к примеру, рост или цвет глаз.

– Но сами девушки? Что происходит с теми, кто не был выбран?

– О, не тревожьтесь! Все незабракованные экземпляры просто продолжают ждать своего часа. Скажем так, в качестве запасного варианта.

– Запасного?

– На случай если вдруг через пару лет у вас наступит пресыщение супругой, и вы захотите чего-то нового. Посвежей. Образно выражаясь, сорвать ещё один бутон. Вы вполне можете оформить бумаги на развод с официальной супругой и, уведомив нас, без каких-либо затруднений получить уже вторую по счёту юную прелестницу, чуть более взрослую, но, скажем, не менее сочную двадцатилетнюю нимфу.

– Стало быть, всего у меня будет десять вариантов?

– Вы же понимаете, Патрик, это классическая схема. Выражаясь деловым языком, стандартный пакет услуг. Всё зависит от располагаемых вами средств. Образцов может быть

и дюжина, и две. Некий современный гарем, где все наложницы строятся одна за другой на вырост, ожидая своей очереди быть представленной султану.

– Дюжина, – прошептал Патрик, неверящими ушами вслушиваясь в невообразимый рассказ, столь цинично излагаемый этим седым джентльменом с жёстким безжалостным взглядом.

Отчего-то похолодевшими пальцами Патрик ещё сильнее сжал уже вспотевшую в руке золотую визитку.

– Что ж, мистер Патрик, настало время сыграть начистоту, – внезапно заявил лысый.

Глава 12. Стандарт

– Определяйтесь с выбором и подпишем договор, – зловеще усмехнувшись, протянул лысый.

– Полагаю, мне стоило бы взять пару дней для осмысления, – пробормотал Патрик, всеми фибрами души желая поскорее убраться из этого затемнённого кабинета, насквозь пропитанного запахом роскоши и отчего-то померещившийся Патрику крови. – Пожалуй, я позвоню вам позже, – поднялся он с кресла.

– Сядьте, – вдруг властно приказал лысый. – Патрик, вы умный человек и должны понимать, что подобные вопросы так не решаются. Не думаю, что у нас есть время на размышления.

Теряясь под пронизательным взглядом отчего-то отливающих стальным блеском глаз, Патрик опустил обратно в кресло, неловко бормоча:

– Да, да, конечно, вы правы.

– Не поймите меня превратно, Патрик, нашей организации до сей поры удавалось оставаться тайной и столь успешной именно благодаря строгой конфиденциальности и безукоризненному соблюдению правил. Раз вы пришли сюда, полагаю, вы были готовы к тому, что возникнут подобные вопросы. Не думаю, что у нас есть время на размышления.

– Отчего же. А если я передумаю уже в процессе?

– Патрик, у нас солидная компания и серьёзный подход к делу. Мы с вами подписываем договор. Если вы передумаете, гонорар мы не возвращаем.

– А девушки?

– Будут утилизированы как забракованный материал.

– Хорошо, – ощущая всё нарастающую тревогу, заёрзал в кресле Патрик, согласно мотая головой. – Пожалуй, я готов подписать договор.

– Вот и отлично, – удовлетворённо улыбнулся лысый.

Подняв трубку телефона, он дождался ответа на той стороне и сообщил:

– Один 115 стандарт с возможностью расширенных полномочий.

Улыбнувшись, он с хитрым прищуром глянул на Патрика и, повесив трубку, приглашающим жестом развёл руками:

– Итак, может, теперь я смею предложить вам кофе, сигары, что-нибудь покрепче?

– Благодарю, не нужно, – уже жалея, что поддался на уговоры Матильды, главным аргументом в которых стали пятьсот долларов, и пришёл в это странное место, но надеясь отыграть роль до конца, пролепетал Патрик, стараясь сохранить на лице остатки былой уверенности.

Дверь распахнулась, и в проёме появился дворецкий, тот самый, что встретил Патрика у ворот. На золочёном подносе он держал стопку бумаг, по-видимому, юридических документов на подпись, и две серебряные ручки. Поставив на

стол поднос, и почтительно кивнув Патрику, он повернулся к лысому и застыл в ожидании.

– Итак, нам остаётся простая формальность, – обратившись к Патрику, с улыбкой произнёс лысый. – Не будете ли вы так добры назвать кодовое слово.

– Кодовое слово? – чувствуя, как куда-то глубоко вниз ухнул его желудок, проблеял Патрик.

– Кодовое слово, – глядя прямо ему в лицо, с коротким кивком подтвердил лысый. – Господин Рудольф Ниязох, несомненно, сообщил его вам перед тем, как направить сюда.

– Я...э...ммм...забыл, – лихорадочно пытаюсь выкрутиться из сложившейся ситуации, пролепетал Патрик.

– Что ж, бывает и так. Не беда, – расплывшись в приятной улыбке, заверил его лысый и, обратившись к дворецкому, всё ещё ловившему каждое слово, сказал:

– В таком случае включим расширенные полномочия. Протокол стандарт, десять образцов. Осталось лишь подписать бумаги.

– И всё?

– О, да. Все подробности обговорим при следующей встрече, – заверил лысый.

Схватившись за ручку, Патрик с плохо скрываемым облегчением поставил размашистую подпись на всех листах.

– Приятно было познакомиться, – склонился перед ним лысый. – Надеюсь, наше сотрудничество будет плодотворным.

– Конечно, конечно, – желая лишь поскорее обратиться отсюда, заверил его Патрик.

Ни одна эмоция не отразилась на лице дворецкого, когда он провожал Патрика обратно до ворот. Патрику хотелось бежать со всех ног, но он сдерживал себя, соизмеряя свой шаг с неторопливой размеренной поступью дворецкого.

Уже когда он вышел за ворота, дворецкий внезапно нарушил молчание и, растянувшись в белозубой улыбке, изрёк:

– Доброй дороги, господин Патрик.

– Благодарю, – удивлённо покосился на него Патрик, запрыгивая в свой лимузин и хлопая по спинке сиденья уже притомившегося от долгого ожидания нанятого водителя.

– Трогай!

Глава 13. Ромашка

Дрожа от нахлынувших эмоций, Матильда стояла перед экраном. Она не могла поверить в то, что услышала. Не укладывалось в голове, что она, живой человек, молодая девушка, была выращена в угоду Рудольфу как некая зверушка, только с дополнительными функциями. Это было чудовищно. Нет, бежать, немедленно бежать из этого дома.

Но куда она пойдёт? Даже родители оказались подставные. Страшно подумать: всю жизнь её воспитывали двое совершенно посторонних людей за деньги. Стоит переночевать у Ники? Нет, не может быть и речи. Если Рудольфу покажется подозрительным её поведение, он легко найдёт её там. Ну, ничего, она переночует в особняке, а завтра же первым рейсом улетит отсюда. Слава богу, Рудольф не скупился на молодую жену, и на её картах всегда было достаточно средств, на случай если вдруг Матильде взбредёт в голову устроить себе внеплановый европейский шопинг.

Стук в дверь заставил её вздрогнуть.

– Матильда? – громко спросил Рудольф из-за двери.

– Да?

– Дорогая, ты почему не ложишься?

– Я... приводила себя в порядок после театра.

– Время идти спать. Завтра важная встреча, на ланч придут мои клиенты, ты помнишь?

– Ах, да. Совсем забыла!

– Что ж, ложись скорей, ты должна выспаться и быть на высоте.

– Уже иду!

Нет, сегодня ей уже точно не удастся покинуть особняк незамеченной. Рудольф отправился на боковую, а значит, весь дом был поставлен на ночную сигнализацию, код от которой знал только он. Завтра с утра первым делом она, как обычно, отправится в сад, а затем выйдет через боковую калитку и, вызвав такси через приложение, умчится в аэропорт. Рудольф будет занят последними распоряжениями поварам, и, прежде чем хватится её, пройдет как минимум пара часов. Ничего, что она не успеет собраться. Она купит всё, что нужно, уже в пути. Главное, выбраться отсюда. Как хорошо, что паспорт и загранник всегда лежат в сумочке! Итак, завтра.

Глубоко вздохнув и выгнав из головы все тревожные мысли, Матильда сбрызнула лицо прохладной водой и вышла из ванной. Она старалась вести себя как обычно, чтобы Рудольф ничего не заметил.

– Я велел повару заварить тебе чай с ромашкой, – уже лёжа в постели, сказал ей Рудольф. – Ты какая-то бледная сегодня.

– Нет, нет, всё в порядке, – напустив на себя притворную улыбку, заверила его Матильда.

– Хорошо. Тогда бегом пей чай и на боковую, – распорядился Рудольф.

Решив лишний раз не провоцировать подозрения мужа, Матильда в три глотка осушила чашку. Тёплый чай пах ромашкой и приятно успокаивал горло, но отчего-то чуть отдавал приторной горечью. Поставив чашку на прикроватный столик, Матильда нырнула под одеяло. «Завтра», – подумала она. «Всё решится завтра».

Рано утром в кабинете зазвонил телефон. Отставив в сторону чашку кофе, лысый поднял трубку и, вслушиваясь пару минут в оживлённую речь на том конце провода, процедил:

– Отлично. Я сейчас же вышлю своих людей, они помогут вам замести следы. Что ж, жаль, что так вышло, но, стоит признать, всё складывается как нельзя лучше. Итак, господин Рудольф, нам стоит расконсервировать для вас ещё один образец?

Голос Бога

Впервые Александр услышал его, находясь в открытом космосе. Пронесаясь сквозь холодное безжизненное пространство на скорости двадцать семь тысяч семьсот километров в час, наблюдая под ногами огромный голубой шар столь далёкой, но казавшейся в своей недостижимости ещё более родной планеты, он ощущал себя подвешенным на тоненькой ниточке к железной махине космической станции, словно неразумный эмбрион к чреву матери. Закручивая гайку, он докладывал о каждом своём шаге в эфир, не торопясь, контролируя мельчайшее движение кисти, когда во время минутного молчания в череде бьющих в виски тяжёлых от напряжения вдохов и выдохов внезапно в ушах всплыл голос:

– Трещина.

Александр настолько удивился, что на секунду прекратил вращательные движения ключом, думая, что по видеокамерам в штабе заметили нечто неординарное и передают ему по связи скорректированные инструкции. Задержав дыхание, он прислушался.

– Всё в порядке? – загремело в ушах. – Почему прекратили работу?

– Порядок, – немедленно отозвался Александр, немного в недоумении, и, перехватив поудобнее так и норотивший

выскользнуть из пальцев гаечный ключ, принялся и дальше закручивать неподдающуюся гайку.

Центр молчал.

«Наверное, послышалось», – подумал он, работая ключом.

Это был его первый выход в открытый космос, да что там говорить, он и пробыл-то на станции всего с неделю. Но Александр старался всецело сконцентрироваться на задаче, помня о том, что на починку отводится весьма ограниченное время, и не отвлекаясь на манящую чёрную бездну, раскинувшуюся над головой.

– Трещина, – повторил голос.

– Что за чертовщина? – замерев на мгновение, Александр прислушался.

Треск в наушниках. Эфир хранил молчание.

– Тьфу ты, так ведь и не уложишься в срок, – мысленно плюнув, выругался он.

Выход в космос должен был занять шесть часов, и каждое усилие здесь, в невесомости, давалось гораздо тяжелее, чем на Земле. Сосредоточившись на гайке, Александр удвоил старания, тщательно вымеряя каждое движение пальцев.

– Левее. Там, возле самого шва, – раздалось в ушах.

– Где? – застигнутый врасплох, машинально отозвался он.

Эфир мгновенно ожил:

– Какие-то проблемы?

– Нет проблем, продолжаю работу, – доложил он, изгоняя

из головы сторонние мысли.

– Трещина в скафандре. Левее шва, у локтя, – не унимался голос.

– Да кто ты? – подумал Александр.

– Я разум. Вы, кажется, называете нас инопланетным разумом.

– Инопланетянин? – чуть не закричав вслух, но всё же сдержавшись, подумал он.

– В этой вселенной мы все друг другу инопланетяне, ты не находишь? – с усмешкой парировал голос. – У тебя там трещина на левом локте. Опасно. Если разойдётся, может быть смертельной. Разгерметизация мгновенная.

– Откуда ты знаешь?

– Вижу, – ответил голос. – Странно, что тебя это не беспокоит. На твоём месте я бы немедленно эвакуировался внутрь станции.

– Где трещина?

– Левый локоть у самого сгиба. Вон, справа от шва. Теперь видишь?

Скосив глаза, Александр вытянул шею, чтобы рассмотреть то самое место, и краем глаза на белоснежном рукаве скафандра действительно уловил какую-то ворсинку, еле заметную полоску, которой никак не должно было там находиться.

– Всё в порядке? – ожил эфир.

– Возникла необходимость срочно зайти внутрь.

– Что случилось? – встревожился Центр.

– Подозрение на повреждение скафандра. Трещина на левом локте.

– Немедленно эвакуируйтесь внутрь! – последовал приказ.

На рукаве и вправду обнаружилась трещина. Неизвестно откуда взявшаяся, ведь все скафандры перед отправкой тщательно проверялись ещё на Земле, она ввергла в недоумение весь экипаж международной станции. Небольшое смещение от малейшего неверного движения локтем, и рукав бы расползся. Несчастный случай.

– В рубашке родился, – хлопнул его по плечу командир экипажа. – Ты как заметил-то?

– Да так, почувствовал неладное, – отчего-то запнувшись, сказал Александр, не решаясь так вот сразу рассказать о таинственном голосе в голове.

– Благодарю интуицию, – ответил командир. – Опасное это дело, повреждение скафандра.

Всё ещё не разобравшись в произошедшем, Александр улучил момент, когда все остальные были заняты своим делом и подумал:

– Ты тут?

– Тут, – немедленно ударил в уши уже знакомый голос.

– А почему слышишься именно мне?

– Я всем слышусь.

– А почему они о тебе не говорят?

– Про голос в голове? Так им всё равно не поверят. Спишут на Землю.

– Но я же тоже тебя слышу. Я подтверждаю.

– Тогда и тебя спишут.

– Ты где? – заглянул в отсек командир. – Срочная связь с Землёй.

Уже подготовившись ко сну, Александр деловито выполнил все привычные манипуляции и закрыл глаза, вновь призывая к себе таинственный голос:

– Ты здесь?

– Я всегда здесь.

– А ты кто?

– Наша цивилизация отличается от вашего вида. Строго говоря, у нас и цивилизации-то нет.

– Так ты мужчина?

– У нас нет подразделения на мужчин и женщин, и немного иначе выглядит телесная оболочка. Скажем, я разумная сущность из космических глубин.

– Где ты находишься?

– Очень далеко.

– Ты не из солнечной системы?

– Конечно, нет.

– Хотя бы из нашей галактики?

– Это тебе ни о чём не скажет.

– Но как я тебя слышу?

– Мне не нужны волны, чтобы транслировать слова. Я могу пересылать информацию даже в вакууме.

– А откуда ты знаешь наш язык?

– Сказать по правде, я давно слежу за вашим кораблём. МКС, международная космическая станция – так вы называете это пристанище. Я много лет прослушивал мысли и разговоры, так и перенял ваши языки.

– Тебя как звать-то?

– У меня нет имени. Зачем оно мне? Честно признаться, странный концепт. Разве от того, что я назовусь кем-то иным, я перестану быть собой?

По словам голоса, он мог свободно проникать в мозг и сознание любого из космонавтов. Будучи дружелюбно настроенным и от природы любопытным, он, как понял Александр, изучал людей, словно занятых букашек, чаще всего молча, но иногда подсказывая им. Добродушно указывал на мелкие ошибки или, словно заправский ангел-хранитель, предупреждал о возможной опасности в минуты острого кризиса. Его слышали все люди на станции. Из года в год он разговаривал со всеми, провожал старые экипажи и встречал новичков. Что больше всего поразило Александра, так это то, что никто из космонавтов на станции ни разу не заговорил о голосе. Не то чтобы не доложил на Землю, а даже не пытался обсудить между собой.

– Что ж тут удивительного? – возражал голос. – Их же

посчитают сумасшедшими.

– Но если все астронавты подтвердят это разом – такое уже не спишешь на психический сбой.

– Коллективная галлюцинация. Влияние на мозг космических лучей. Необратимые последствия радиации.

– Да ты, я гляжу, оптимист.

– Поверь, я изучил вашу цивилизацию весьма хорошо. Люди настолько боятся всего нового, что им проще списать всё на бред, нежели принять сам факт существования инопланетного разума в такой необычной форме.

– Но так не должно быть, – не унимался Александр. – Это неправильно. Ты представляешь собой величайшее открытие в космосе со времён самого первого полета в шестьдесят первом. Я должен рассказать о тебе людям!

– Как знаешь. Но я бы не советовал тебе. Итог один.

– Никто ведь даже и не пытался!

– Ну почему же. Твой предшественник.

– Константинопольский?

– Он собирался написать рапорт.

– Дмитрий?

– Занятный собеседник. Часами спорили с ним о гравитации. Оказывается, на Земле это такая нелепость! Ещё он рассказывал мне о рыбалке. Вот умора! Привязать к палке леску и сидеть с ней над водой, чтобы достать рыбу. Ничего смешнее в жизни не слышал.

– Мне кто-то сказал, что его списали.

– Ну вот, как я и говорил.

– Не знаем же мы из-за чего именно. Вернусь, обязательно встречу с ним.

Александр хорошо запомнил тот день. Новость об отстранении Константинопольского стала громом среди ясно-го неба. Бывалый космонавт, он слыл среди других членов отряда самым опытным. Меж собой они ласково называли его «бате́й». Батя всегда был человеком серьёзным, но очень душевным, открытым, готовым выслушать, научить и дать дельный совет. Новички, отправляясь в свой первый полёт, знали: если что-то пойдёт не так, батя выручит. На него можно полагаться как на самого себя. И вот, внезапное отстранение. В отряде ходили слухи, что Константинопольского зарубили на последней медкомиссии. В итоге, вместо него и полетел Александр.

Вернувшись на Землю, Александр первым делом написал специальный рапорт о загадочном инопланетном голосе, но, никому не сказав ни слова, положил его в стол. Прежде всего, он хотел встретиться с Константинопольским. Однако, выяснилось, что на данный момент это невозможно, так как Дмитрий Константинопольский проходил санаторно-курортное лечение в ведомственном учреждении. Точное место Александру назвать отказались, однако знакомая медсестра по большому секрету шепнула ему, что Константино-

польский был направлен в психоневрологический диспансер на полугодовое наблюдение.

Отчаявшись встретиться с ним, Александр попытался разговорить остальных космонавтов, уже побывавших на орбите. Почти все они продолжали работать в отряде, но на прямой вопрос Александра о таинственном голосе в космосе от ответа уклонялись. Некоторые с усмешкой качали головой со словами: «Ну и перегрелся же ты, братец, на орбите!» Другие и вовсе сворачивали разговор, ссылаясь на занятость.

Отчаявшись получить хоть какую-то поддержку, Александр не спал всю ночь. Перед глазами у него стояли напечатанные им самим строки: «первый случайно обнаруженный представитель внеземной цивилизации», «открытие международного значения», «сложно недооценить важность дальнейшего изучения».

Утром он распечатал рапорт в десяти экземплярах и отправил руководству Космической корпорации и своему непосредственному начальству. Как и предупреждал голос, реакция последовала незамедлительно. К обеду за Александром уже прислали машину. Сперва его засыпала вопросами специальная комиссия, потом с глазу на глаз он повторил всё, что знал, руководству, а под вечер его отвезли в специальное учреждение, где в наглухо закрытом кабинете под прицелами видеокамер человек в штатском подробно расспросил его ещё раз, акцентируя внимание на мельчайших подробностях. После чего человек в штатском попро-

сил его ожидать и вышел. Ожидая вердикт, Александр промаялся полчаса в пустом кабинете, когда штатский, наконец, вернулся. Александра попросили немедленно проехать в лабораторию. Там у него тщательнейшим образом взяли все анализы, и с ним ещё раз обстоятельно побеседовал спокойный седовласый старичок профессор, по манере речи больше всего похожий на психиатра.

– Я не сумасшедший, – твёрдым голосом заверил его Александр. – И я не вру.

– Я верю вам. Верю, – успокаивающе заключил профессор и, переглянувшись со штатским, вышел из кабинета. Штатский последовал за ним.

Сотни разноцветных проводков тянулись от электродов на голове Александра, сплетённых в громоздкую конструкцию, тонкая линия записи прыгала по экрану, старательно выписывая пики и впадины, пока ассистент в белом халате в который раз задавал Александру всё те же вопросы. Снова и снова Александр терпеливо описывал первое появление голоса, свои ощущения, чудесное спасение, рассказ об инопланетном разуме и ночные разговоры.

За стеклом, глядя на выведенные мониторы, отображавшие всё в режиме реального времени, штатский вполголоса вёл беседу с профессором.

– Итак, что вы полагаете?

– Нет оснований для паники. Вероятно, просто некий

неизученный нами синдром.

– Так вы полностью исключаете версию существования инопланетного разума?

– Уважаемый, я ведь учёный. Моё дело основывать свои выводы на фактах. А в данном случае мы опираемся на показания анализов. Взгляните на эту энцефалограмму. За сорок лет в профессии я не видал таких кривых.

– Прошу вас, профессор, выражайтесь понятнее.

– Налицо неестественно повышенная активность головного мозга. Ненормальное возбуждение, преобладающее над торможением. Импульсы, которые выбиваются за рамки адекватного состояния мозга.

– Что же он, сошёл с ума?

– Я бы не был столь категоричен. Ясно одно: по возвращении на Землю, а возможно, ещё и на орбите, у него возникла неестественная активность головного мозга, спровоцировавшая слуховые галлюцинации.

– Так вы отрицаете возможность того, что он действительно слышал реальные голоса?

– Отчего же. Не отрицаю. Напротив, уверен в этом. Как и в том, что эти голоса он сам и создал. Наш мозг порой творит и не такие чудеса, а воспалённое сознание тем паче.

– Когда будет завершено полное обследование?

– Мне бы хотелось понаблюдать за ним на протяжении полугода.

– Так долго?

– Случай действительно уникальный. Данный синдром науке не известен и подлежит детальному изучению.

– По-вашему, что могло послужить причиной?

– Кто знает. Возможно, влияние космической радиации. Или возбуждение от самого факта полёта на орбиту. Выход в открытый космос. Мозг человека – очень тонкий орган, почти не изученный. Осознание того, что космонавт – песчинка, висящая на тонкой ниточке в пустоте всей вселенной, не всем дано переварить.

– Итак, а видения?

– Галлюцинации.

– Значит, галлюцинации?

– Позвольте и мне спросить. У вас есть подтверждение его слов от остальных участников экспедиции? Экипажей прошлых лет? Астронавтов других стран?

– Нет. Мы опросили почти семьдесят человек, побывавших на международной космической станции за последние пятнадцать лет. Никто из них не слышал о голосе.

– Что ж, вы сами ответили на свой вопрос.

– Был, правда, его предшественник, Константинопольский Дмитрий.

– Ах, батя! Наслышан, наслышан! Не человек – легенда!

– Шесть экспедиций на международную космическую станцию.

– Вы знаете, что с ним случилось?

– Знаю.

– Я слышал, он живёт затворником после того, как его списали.

– Списали?

– По медицинским показаниям. Не прошёл комиссию. Всё-таки шесть полётов, девять выходов в открытый космос не проходят даром для организма. Ресурс человека небескончен.

– Напротив. Ваши сведения неверны. Комиссии он прошёл. Он ушёл сам.

– Сам?

– Об этом не говорят. Засекреченная информация. Подал в отставку.

– Что же тут секретного? Устал человек, имеет право отдохнуть. Может выступать с лекциями, помогать растить молодое поколение.

– Нет, здесь дело намного деликатнее. Нельзя допускать огласки.

– Так вам известно, где он сейчас?

– Мы не отслеживаем всех космонавтов. Это не входит в наши задачи.

– Бросьте. Вы хоть и в штатском, но меня не обманете. По долгу службы вы должны знать всё и про всех.

– Да уж, профессор. Вас не обманешь.

– Так вы знаете?

– Знаю.

– И?

– Подался в обитель.

– Обитель?

– Мужской монастырь. Где то на Среднем Урале.

– Что ж, – пожевал губами профессор. – Весьма неожиданно. Вот лишнее подтверждение того, что человеческая психика – хрупкая вещь, вроде хрустальной вазы. Стоит лишь раз пойти мельчайшей трещинке – и она уже никогда не будет прежней.

Закончив работу, Валерий развернулся, чтобы ещё разок посмотреть на Землю из открытого космоса. Она плыла под его ногами как разноцветный шар, такая громадная и прекрасная в своём величии. Сверху над головой раскинулась опрокинутая бездна, пугающая своей засасывающей чернильной пустотой, и одновременно манящая мириадами далёких созвездий.

– Жаль, что Алиса этого не видит, – подумал он, внезапно вспомнив о доме и о маленькой дочери, которая всегда с жадностью слушала его рассказы о космосе.

– Шланг, – ударил вдруг в уши незнакомый голос. – Шланг перекручен. Почти перетёрся. Может треснуть в любую секунду! Скорей возвращайся на станцию!

Панацея

Глава 1. Щупальца

В последнее время приступы повторялись всё чаще. Может так проявляла себя начинающаяся шизофрения? В такие моменты всё его естество, казалось, вытеснялось совершенно другим человеком. Полный переливающегося через край сладкого предвкушения, он застывал посреди лестницы с чашкой в руке, словно наяву наблюдая блистательную развязку своего тщательно лелеемого плана. Расплываясь в улыбке, он усмехался всё шире и шире, пока нарастающее напряжение внутри не прорывалось наружу потоком нечеловеческого хохота. Сгибаясь пополам, прислоняясь щекой к отполированному зеркалу деревянных перил, он изрыгал из себя приступы утробного гоготания, как вулкан, извергающий лаву. Слеп, глух ко всему окружающему, в такие моменты он упивался своей фантазией, тем, что ему вскоре предстояло сделать, но вдруг замирал на месте и, будто очнувшись от глубокого сна, растерянно озирался вокруг в поисках какой-то опоры, за которую можно было бы зацепиться, чтобы вырвать своё измученное воспалённое сознание из плена бредовых иллюзий.

Поначалу он ещё сопротивлялся. Не смыкая глаз до само-

го рассвета, он лежал в крошечной тьме, уставившись невидящими глазами в потолок, и мысленно спорил сам с собой, приводя сотню доводов о нравственных устоях, о том, что задуманное – плохо. Не только плохо, но даже чудовищно, абсолютно противоестественно для человеческого существа. Однако неустанно преследовавшие его навязчивые мысли щупальцами вторгались в мозг, склизкими окончаниями присасываясь к нейронам, и вот уже, отринув все нормы морали, он вновь предвкушал, как, наконец, будет осуществлять задуманное.

Как будто какой-то фундамент, скрепляющий воедино его личность, рухнул, подточенный изнутри, не оставив больше ни целей, ни устремлений, кроме одной единственной навязчивой фантазии, которая вплеталась в явь. Но как он ни старался, не было больше сил сопротивляться этому удушающему противному монстру, когда, словно тонущий в какой-то мучительной трясине, он хватался за последнюю соломинку, за хрупкий прут, протянутый с берега. И вот сегодня за завтраком, сделав первый глоток свежесваренного крепкого чая, он почувствовал, что единственная удерживавшая его веточка хрустнула, и ничто больше не поможет ему остаться на поверхности. Зыбь окончательно засосала его.

Стиснув зубы, он придвинул поближе раскрытый на нужной странице экран ноутбука и быстро начал перебирать пальцами по клавиатуре, словно азбукой Морзе, выстукивая заветные, тысячу раз прокрученные в голове строки:

«Привет, Мия! Ты, наверное, не знаешь меня, но не пугайся. Я твой давний подписчик и всегда с интересом смотрю каждый твой ролик...»

Глава 2. Подарок

Горячий мясной сок брызнул во все стороны. Выругавшись вполголоса, Ксавьер половчее перехватил пальцами нож и надавил посильнее. Поджаренная корочка подалась и с аппетитным хрустом разъехалась в стороны, обнажая свежее сочное нутро. Средней прожарки, с длинными тонкими мясными волокнами, тающими на языке, это ли не наслаждение. «Какой нектар! Воистину, вот пища богов, – подумал Ксавьер, перекатывая языком по нёбу нежную текстуру. – Кто бы мог подумать, что креатурное мясо окажется таким вкусным!»

Неожиданный звонок в дверь прервал его ленивые размышления.

– Ату, открой, – крикнул он, не желая отрываться от трапезы.

Должно быть, вернулась Мия, по рассеянности опять забыв какую-то папку.

Неслышным шагом в столовую вошла Ату, держа в вытянутой руке какую-то ярко-красную коробку, перевязанную громадным зелёным бантом. «Что за нелепость! – мелькнуло в голове Ксавьера. – До Рождества ещё далеко!»

– Посылка на твоё имя, – сказала Ату, подходя вплотную и аккуратно водружая аляпистую коробку между соусницей и бокалом вина. – Наверное, подарок от очередного поклон-

ника.

– Как же они надоели своими писульками! – нахмурился Ксавьер.

– Да брось, это же так мило! Только представь, ещё в начале года тебя никто не знал, а теперь ты мировая звезда!

– Звезда! Весьма мило! – передразнил Ксавьер.

– Ты знаешь, что я имела в виду. Одно дело быть экспериментальным исследователем, широко известным только в узких научных кругах, и совсем другое вдруг проснуться кумиром миллионов.

– Едва ли я кумир миллионов, – покачал головой Ксавьер.

– Ну, знаешь, не каждый день становишься мировой сенсацией, когда тебе дают две нобелевки за раз.

– Хватило бы и одной по биологии, – поспорил Ксавьер, морщась от упоминания о шумихе, раздувшейся вокруг его персоны после вручения премий за 2020 год. – Ты же понимаешь, что Нобелевская премия мира – чистой воды политика.

– Политика или нет, какая разница? – чмокнула его в шею Ату. – Мне нравится всё, что сейчас происходит! Мы переехали в шикарный особняк, летим в Майямы, и Мия наконец-то сможет поступить в Гарвард!

– Она бы и так прошла по баллам.

– Согласись, с деньгами и славой жизнь намного приятнее.

– Пока славы я видел гораздо больше, чем денег, – криво усмехнулся Ксавьер.

– И зря! Тебя называют новым Илоном Маском, – пожалала плечами Ату. – Почитай, что пишет Таймз.

– Если бы я тратил время на чтение жёлтой прессы, из меня вышел бы никудышный учёный.

– Скромн, как никогда! – рассмеялась Ату. – Никудышный учёный, который решил проблему нехватки еды и раз и навсегда спас человечество от голода!

– Когда ты такое говоришь, это звучит так напыщенно.

– Тебе всё не слава богу, – рассмеялась Ату. – Ты открывать будешь? – поторопила она его, двигая ближе загадочную коробку.

– Открой, если хочешь, – пожал плечами Ксавьер. – Наверное, опять просят подписать снимок.

С горящими глазами Ату наскоро сорвала обёртку и вытащила коробку. Открыв её, она заглянула внутрь, но тут же её нетерпение сменилось искренним недоумением, и она разочарованно протянула:

– Тут какое-то фото.

Вытащив снимок, она пару секунд рассматривала его, потом, хмыкнув, кинула на скатерть перед Ксавьером.

– Ничего не понимаю. Просто кусок мяса.

На фото крупным планом был снят лежащий на белой тарелке обычный стейк вроде того, которым минуту назад лакомился Ксавьер. Единственная разница была лишь в том, что Ксавьер предпочитал среднепрожаренное мясо, а кусок, что на снимке, был с кровью.

Ату повертела в руках посылку:

– Больше ничего нет. Странный подарок.

– От кого это?

– Не знаю, почтальон принёс коробку без обратного адреса.

– Так выброси! – раздражённо бросил Ксавьер, недовольный тем, что его отвлекли от обеда.

Не вытирая жир, он ухватил снимок пальцами и хотел уже швырнуть его в корзину, как вдруг с обратной стороны увидел ровные мелкие буквы, столь знакомыми стройными рядами складывающиеся в строки:

«Хвала спасителю человечества! Вкушаю этот стейк и пью твоё здоровье!»

– Что за чушь? – протянула Ату, но тут заметила, как Ксавьер неверящими глазами вновь и вновь пробегает по строкам загадочного послания. – Ты что, знаешь, от кого это?

Не услышав, Ксавьер не отреагировал. Оцепенев с вилкой в застывшей руке, занесённой над куском сочного мяса, он ощутил, как стучит в висках давно забытое имя «Наруто».

Глава 3. Панацея

Много лет назад Ксавьер пришёл в лабораторию к Наруто ещё зелёным юнцом. Полные энтузиазма побороть голод во всём мире, они вдохновенно работали вместе, комбинируя сотни идей на стыке биологии и химии. Даже когда направления их исследований разошлись, и Ксавьер получил возможность продвигать свои теории в отдельной лаборатории, они продолжали поддерживать тёплые отношения, встречаясь не реже раза в месяц не как коллеги, но как старые друзья, за бокалом вина и вкуснейшим ужином из столь любимых Наруто суши, которые мастерски готовила Ату.

Всё изменилось в один день. Ксавьер и сейчас помнил то раннее утро, когда его разбудил звонок телефона.

– Вы получили её! – кричала в трубку Ребекка. – Вам дали целых две! Две Нобелевские премии! Вы представляете, что это значит?

Что это значит, Ксавьер почувствовал на своей шкуре уже через полчаса, когда его скромный загородный дом окружила толпа репортёров, оголтело вопящая в прямой эфир подробности биографии профессора Ксавьера Фернандеса на всех языках мира.

– Не переживай ты так, пройдёт пара недель и ажиотаж спадёт, – видя, как Ксавьер морщится от непрошеного внимания прессы, пыталась утешить его Ату.

Однако пошёл уже третий месяц после вручения премии, а интерес журналистов и не думал ослабевать. Телефон не умолкал, почтовый ящик пришлось снять, так как он в буквальном смысле слова ломился от писем и поздравительных открыток. Везде сопровождаемый папарацци, Ксавьер уже не мог даже просто проехаться по улице. Его лёгкое раздражение плавно перетекло во вспышки ярости, когда он, наконец, поддался уговорам Ату и как никогда довольной Мии и всей семьёй перебрался в Калифорнию, купив шикарнейшую виллу в Беверли Хиллз с высоченным забором и сотней видеокамер по всему периметру.

Единственное, что глодало Ксавьера изнутри, так это Наруто. С момента вручения премии тот так ни разу и не позвонил. Ксавьер пытался связаться с ним сам, но, сколько бы ни набирал знакомый номер, в ответ всегда слышал лишь долгие гудки. Очевидно, Наруто сильно не одобрял решение Нобелевского комитета.

Что ж, этого и следовало ожидать. Их пути разошлись уже тогда, когда Ксавьер, выступая с докладом на одной из конференций по биохимии и инновациям пищевой отрасли, заинтересовался идеей производства искусственного мяса. В тот год это была самая горячая тема. Сразу несколько лабораторий в мире занимались выращиванием мясных пищевых волокон из клеточных структур. Полученное таким образом мясо было рассчитано на вегетарианцев, так как вся процедура полностью исключала причинение невыносимых физи-

ческих и моральных страданий каким-либо животным. Однако сама технология, хоть и была осуществима и даже обкатана в лабораторном производстве, на деле оказалась весьма затратной и предполагала использование клеток курицы или свиньи. Ксавьер увлёкся мыслью удешевить производство искусственного мяса до такой степени, чтобы его можно было выращивать в промышленных масштабах, как пшеницу, и это обходилось бы не дороже выпечки хлеба.

Загоревшись идеей помочь человечеству решить проблему с нехваткой еды, Ксавьер забросил все остальные проекты и с головой ушёл в работу. Он днями и ночами пропадал в своей лаборатории, забыв про еду и сон, но, будучи от природы скрытным, не особо распространялся коллегам, и особенно Наруто, об успехах своих экспериментов.

Наруто и не спрашивал. Он с самого начала не одобрял эту идею. Не то чтобы он считал это неосуществимым, нет. Просто Наруто не видел в ней перспективы.

– Будущее человечества – это, бесспорно, насекомые, – говорил он. – Природа – вот самый искусный биохимик! Лучший способ что-то изобрести – это подсмотреть у неё.

Одержимый идеей побороть голод во всём мире, Наруто возлагал большие надежды на получение дешёвого высокопитательного белка из насекомых. Его лаборатория занималась выращиванием гусениц, жуков, сверчков и саранчи для последующей их переработки в муку. Полученная мука была калорийна, легко хранилась, показывала хорошую устойчи-

вость к плесени и могла быть получена из разных видов насекомых практически в любой стране мира. Как раз в январе 2019 года Наруто опробовал систему модульных станций по переработке насекомых в муку. Достаточно было загрузить в контейнеры килограммы любых выращенных насекомых, и на выходе получался чистейший продукт, готовый к употреблению. Из такой муки можно было печь хлеб, делать лепёшки, соусы, или добавлять в другие продукты питания вроде колбасы с целью удешевления.

В 2020 году из-за изменения климатических условий проблема мирового голода особенно обострилась. Африканские страны, многонаселённая Индия и Китай, не получив обычного урожая, оказались лицом к лицу с угрозой голодного вымирания. Тут-то кстати и пришли идеи Наруто и Ксавьера.

Сами того не желая, они оказались соперниками. Оба были выдвинуты на получение Нобелевской премии по биологии. Оба считались наиболее вероятными претендентами. Оба назывались в СМИ спасителями человечества.

За месяц до вручения премии компания Намбо, транснациональная корпорация, занимающаяся чем угодно, от переработки нефти до выпуска продовольствия, один из гигантов современного промышленного производства и переработки, объявила о создании совместно с профессором Ксавьером Фернандесом комплексной линии по выращиванию так называемого креатурного мяса. Креатурным оно называ-

лось от английского термина «creation», что в переводе означало «создание», «сотворение». Оно и было полностью выращенным, искусственно созданным с заданными параметрами белка, жира и углеводов. Такой метод позволял достаточно быстро производить большие партии мясных волокон, которые на вкус были практически неотличимы от настоящего мяса.

Секрет Ксавьера был в том, что он придумал технологию выращивания мяса из человеческих клеточных структур. Брался донорский образец, и из него можно было получить качественные по составу мясные волокна. В отличие от курятины и свинины, им требовалось гораздо меньше времени на выращивание, и на выходе получался готовый к кулинарной обработке продукт со сбалансированным составом.

Получить поддержку такой международной корпорации, как Намбо, работать, чувствуя за спиной многомиллиардные инвестиции, своими глазами видеть скорейшее промышленное внедрение метода лабораторного выращивания креатурного мяса было мечтой любого здравомыслящего учёного, поглощённого идеей сделать этот мир лучше, придать новый импульс развитию научно-технического прогресса, дать толчок застоявшейся на месте без великих изобретений современной цивилизации. Ксавьер, не раздумывая, согласился.

Вскоре контракт был подписан. Это был день, когда Ксавьер проснулся миллионером. Корпорация Намбо, возглавляемая мультимиллиардером и успешным магнатом Таки-

мото выкупила технологию производства у Ксавьера, заплатив за неё несколько сот миллионов долларов.

Креатурное мясо распространялось по миру через сети супермаркетов, кафе, рестораны, а также крупнейшее объединение благотворительных столовых. В течение 2020 года Намбо смогло возвести производственные цеха в непосредственной близости от местностей, которым угрожала нехватка продовольствия. День и ночь сотни фирменных жёлтых рефрижераторов рассекали просторы Америки, Африки и Азии, доставляя самое важное и критически необходимое людям в условиях кризиса и нищеты – дешёвую еду. Креатурное мясо, производство которого не зависело ни от удачного выпаса скота, ни от погодных условий, ни от наличия сбалансированных кормов на животноводческих фермах стало спасением для мира. Воистину, эта была панацея, которая принесла громадное облегчение и уверенность в завтрашнем дне миллионам людей.

К сожалению, та же идея положила конец многолетней дружбе с Наруто. Ещё до оглашения имени счастливица, который удостоится чести получить самую значимую в научных кругах премию, Наруто, отвечая на провокационные вопросы охочих до сенсации журналистов, неизменно подчёркивал, что идея производства креатурного мяса в промышленных масштабах нежизнеспособна из-за дороговизны.

«Нам следует делать упор на выращивание и промышленную переработку насекомых. Может, кому-то придётся не по

вкусу идея жевать кузнечиков, но это полноценный источник белка. На Земле нас уже больше семи миллиардов. Если человечество хочет выжить, оно должно обратиться к иным источникам питательных веществ, которые было бы просто добыть и использовать. Самое очевидное из них – насекомые», – неизменно заявлял он.

Оглашение имени Ксавьера как двойного лауреата Нобелевской премии стало настоящей сенсацией. Впервые в истории один человек был удостоен сразу двух Нобелевских наград. Одну Ксавьеру вручили как учёному биологу и биохимику за разработку технологии выращивания креатурного мяса. А за выдающийся вклад в окончательное решение проблемы мирового голода он получил ещё и Нобелевскую премию мира.

Новость произвела эффект разорвавшейся бомбы. Распространяясь с бешеной скоростью, слава о профессоре Ксавьере Фернандесе, который навсегда спас человечество от голода, облетела весь мир. Сотни журналистов со всего света кинулись опрашивать его коллег, учеников, знакомых, однокурсников. Это напоминало какое-то безумие. Репортёры умудрялись даже находить тех людей, которые в детском саду предположительно сидели на соседнем горшке с Ксавьером. Интервьюеры выпытывали у десятков знакомых Ксавьера, что они чувствуют, получив шанс прикоснуться к легенде столетия. Тысячи телеканалов обрывали ему телефон, пытаясь позвать к себе в студию. Десятки университетов при-

глашали его читать лекции и провести открытые встречи. Каждый день с почты к дому Ксавьера приезжал отдельный фургон, выгружая сотни писем и десятки посылок от студентов, последователей, охотников за автографами и благодарных почитателей. Казалось, ему позвонили и написали все, кто имел хоть малейшее отношение к его биографии.

Не звонил только Наруто. После оглашения имён лауреатов он заперся у себя в лаборатории, избегая назойливых репортёров. Все газеты напечатали разгромные статьи о провале профессора Наруто. «Хвала богам, нам не придётся есть козявок!», «Ксавьер, спаси нас от налетевшей саранчи!», «Не время для блох!» – состязались в остроумии заголовки изданий.

Лидия, секретарь и личный помощник Ксавьера, как-то обмолвилась, что из-за грандиозного шума поднятого СМИ, несколько крупнейших инвесторов, вложивших средства в разработки Наруто, посчитали саму идею скомпрометированной и более не привлекательной и отказались от дальнейшего сотрудничества, свернув все экспериментальные производственные программы. Лишившись поддержки инвесторов, Наруто пытался подать заявку на получение государственных грантов, но все научные и государственные умы уже захватила идея выращивания креатурных пищевых волокон, и финансирование его научных проектов по переработке насекомых было признано нецелесообразным и урезано в ноль. Лишившись средств к существованию, команда

Наруто начала раскалываться. Один за другим коллеги-биохимики переходили в другие лаборатории и научно исследовательские центры. За пару месяцев утекли даже студенты-лаборанты. В конце концов, Наруто остался один.

Глава 4. Пропажа

В четверг пропала Мия. Когда в обед она не вернулась из школы, Ату пыталась дозвониться до неё, подумав, что та после занятий заскочила к одной из подружек. Но телефон не отвечал, и, когда Мия не появилась к ужину, Ату забила тревогу. Первым делом она позвонила подружке Мии. Та огорошила её известием о том, что девочку потеряли и в школе. С самого утра она не пришла на занятия. Незамедлительно позвонив Ксавьеру, Ату поставила на уши всю местную полицию. Они запросили данные геолокации, но к тому моменту телефон Мии был уже выключен.

Поиски продолжались всю ночь. К утру результатов не было. Присоединившиеся к розыску девочки соседи и волонтеры из местной молодёжной общины обходили все переулки, парки, чердаки, подвалы и питейные заведения, но нигде не могли найти и следов Мии. Картина прояснилась лишь к вечеру третьего дня, когда полиция запросила видео с камер наблюдения местного автовокзала. На кадрах было видно, как Мия садится в тёмную машину с заляпанными грязью номерами. Кадиллак был немедленно объявлен в розыск, но вселяющая надежду ниточка тут же оборвалась – номерной знак был фальшивым.

– Неужели ты ничего не можешь вспомнить? Ну, давай

же, Ксавьер, думай! – Ату в отчаянии всплеснула руками и принялась в который раз мельтешить по комнате, барабани тонкими бледными пальцами по краю бокала.

– Да что, что думай-то? Чего ты от меня хочешь? Что вспомнил, я всё сказал! – попытался неловко оправдаться он.

– Боже, тебе что, и впрямь нет дела до собственной дочери? – истерично всхлипнула Ату. – Если бы ты только не оборвал её тогда!

С внезапной надеждой она обернулась и глянула на мужа:

– Может она сказала, где собирается снимать? Называла место?

– Да ничего она не успела сказать, – устало вздохнул Ксавьер.

Теперь он отдал бы всё на свете, чтобы тогда промолчать.

Жалящее калифорнийское солнце заливало обеденный стол.

– Мия, давай скорей, нам уже выезжать через пять минут! – крикнул он в сторону лестницы, задрал голову и прислушиваясь.

Ни звука. Покачав головой, Ксавьер нервно одёрнул манжет рубашки и ещё раз взглянул на часы. Такимото ждёт его на встречу через сорок минут, и если они не выедут сейчас, то, сделав крюк, чтобы забросить дочь в школу, Ксавьер точно опоздает. А как он уже понял из своего недолгого знаком-

ства с Такимото, этот прожжённый делец, будучи циничным до мозга костей, весьма ценит своё и чужое время.

– Мия!

– Иду, иду.

Сверху послышался торопливый топот и, перепрыгивая через ступеньку, на него чуть не свалилась Мия, на ходу перекладывая в рюкзак огромную жёлтую папку.

Заплетённые в косички волосы, в сочетании с тёмно-бордовой школьной формой, создавали бы впечатление прилежной ученицы, если бы не огромных размеров белые наушники, словно диковинная инопланетная корона, восседавшие у неё на голове.

Так повелось уже давно. Мечтая стать раскрученным блогером, Мия всюду ходила только в них и проводила часы в обнимку с телефоном, размещая и непрерывно лайкая какие-то фото, на ходу монтируя ролики и выкладывая короткие видео о школьной жизни.

Ксавьер поначалу относился к этому как к безобидной забавной прихоти. Но с тех пор как они переехали в Калифорнию, Мия словно слетела с катушек. Отпрашиваясь у матери, сразу после уроков она немедленно мчалась на аллею звёзд, фланируя там взад и вперёд в надежде заснять какую-нибудь среднего пошиба знаменитость. Поднималась на голливудские холмы и проводила там время до самого вечера, устраивая фотосессию на фоне закатной панорамы Лос Анжелеса. Или же допоздна зависала в торговых центрах, переходя из

бутика в бутик, являясь домой к полуночи, и оправдываясь тем, что, по школьным слухам, на той неделе там в одной из примерочных заметили саму Анжелину Джоли.

Она и слышать не хотела об учёбе, а на любой разговор о предстоящих экзаменах беззаботно отмахивалась:

– Пап, ну ты же стал знаменитостью, значит и я смогу!

Все объяснения Ксавьера о том, что ему пришлось долго и упорно потрудиться, прежде чем он смог стать профессором и почивать на лаврах, да и нынешняя слава, если быть откровенным, пришлась ему вовсе не по вкусу, наталкивались на глухую стену непонимания.

– Ты чего, папа, это же так круто! Ты как Брэд Питт какой-нибудь! Или Бьонсе!

Когда же он пытался втолковать ей про пользу учёбы, Мия смеялась.

– Ты оглянись вокруг! – говорила она. – Сейчас же всё по-другому! Зачем мне корпеть над книжками и просиживать зад в лаборатории? Я раскручу свой блог и войду в топ! Вот где бы мне заснять вирусное видео.

На все возражения она упрямо отвечала:

– Но ведь ты же проснулся знаменитым!

Туше. Ксавьер не знал, что ответить. Он пробовал контролировать её успеваемость, но с еженедельным надзором над производственным циклом корпорации Намбо, работой над новым проектом в лаборатории (теперь, наконец-то, его собственной), выступлениями с докладами на международных

конференциях и участвовавшими встречами с журналистами ради интервью (на чём категорически настаивал Такимото, мол, любой пиар подстегнёт продажи) времени катастрофически не хватало. Видя, что жена с её мягким характером не справляется с Мией, Ксавьер решился пойти на крайние меры, но всё та же Ату охладила его пыл.

– Ей и так не хватает твоего внимания. Ты оттолкнёшь её ещё больше. Ксавьер, ей всего пятнадцать. Она ищет себя!

– Так пусть ищет себя в учёбе! Необязательно скакать, как клоун, чтобы найти своё место в жизни!

– Прошу, будь с ней помягче! – лишь покачала головой Ату.

И вот во что это вылилось! Уже битый час он нервно расхаживал по кухне, полностью одетый и готовый к выходу, нервно поглядывая на время. Ровно в двенадцать приземлялся самолёт из Токио с Такимото на борту. Предстояла работа с ежеквартальным отчётом. И, как назло, с утра Ату срочно умчалась к дантисту. Ксавьер пообещал ей забросить Мию в школу и вот теперь с нарастающим раздражением следил за минутной стрелкой, с каждым движением отмеряющей глубину его опоздания.

Ксавьер был зол.

– Пап, ты не поверишь, кто мне сейчас написал! Я столько просмотров соберу в Тиктоке! Это просто бомба! Надо сейчас же закинуть удочку подписчикам, пусть гадают, что я им такого готовлю.

– Мия, давай, пожалуйста, поскорей!

– Ты не понимаешь, папа! Это же мировая сенсация! Прямая дорога в топ Тиктока! Знаешь, кто со мной снимется?

– Мия, поторопись.

– Ты даже не хочешь выслушать меня! Тебе что, совсем на меня плевать?

– Я выслушаю тебя, когда не буду опаздывать на важную встречу.

– Ты просто считаешь, что всё это глупости! – надулась Мия. Но это не так! Знаешь, я могу делать и качественный контент! Угадай, кто будет в моём новом видео? Даю подсказку: он был связан с...

– Боже, Мия, ты можешь хоть на секунду вернуться к реальности? Ты должна хорошо учиться, а не заниматься всякими глупостями! Ты что, думаешь, теперь, когда мы разбогатели, я просто куплю тебе место в Гарварде?

– Я, может, и не хочу в Гарвард!

– А чего ты хочешь? Весь день снимать свои дурацкие клипы?

– Это не клипы! И они не дурацкие!

– Послушай, может это сейчас популярно и всё такое, но ты в первую очередь должна думать о школе! Остался год до выпускных экзаменов! Выброси свои танцуйки и кривляния из головы и займись делом!

– Я занимаюсь делом! Я веду популярный блог! Я же тебе и говорю: я собираюсь снять мегавыпуск!

– Предупреждаю тебя, Мия, если ты не выбросишь из головы весь этот бред, поедешь доучиваться в английский интернат! Я слышал, там хорошо умеют прививать дисциплину!

– О господи, да ты совсем меня не слышишь! – уже все-рьёз разозлилась Мия и, хлопнув дверью, вылетела из дома.

«Будь с ней помягче, – мысленно передразнил Ксавьер слова жены. – Этой девчонке давно пора всыпать, чтобы думала не только об этих блогерах».

Глава 5. Одержимость

Вот уже больше года Мия была одержима идеей стать успешным блогером с миллионами подписчиков. Выпросив на день рождения последнюю модель айфона, она круглосуточно снимала ролики. Её подружки, одноклассники, ученики с той же школы – все были у неё в подписчиках, но Мия жаждала славы. Такой же звёздной популярности, как современные селебрити. В надежде снять видео, которое привлечёт миллионы зрителей, она кидалась из крайности в крайность, то гоняясь с телефоном за огромным соседским котом, то сталкивая в бассейн лучшую подругу. Некоторые видео набирали по паре тысяч просмотров, но этого было мало. Мия была уверена, что придёт её звёздный час. И вот такой момент настал.

Когда профессор Ксавьер Фернандес сенсационно стал лауреатом сразу двух Нобелевских премий, пожалуй, на всей планете не было человека, который радовался бы этому больше, чем Мия. Шутка ли, иметь отца, чья фотография не сходит с крупнейших федеральных каналов, имя которого гремит в репортажах по всему свету как «Спаситель Мира».

На следующий же день она заявила к отцу в лабораторию, желая заснять в мельчайших подробностях всё, что происходит за стеклянными дверями. Поначалу Ксавьер воспринял это как шутку, добродушно посмеявшись, и мягко

спровадил Мию восвояси, аргументируя это тем, что ему некогда. Но когда Мия повадилась приходить в лабораторию в его отсутствие, он рассердился не на шутку. Вечером после ужина он поднялся в комнату к Мии и отчитал её за недопустимое поведение, добавив, что ей следует готовиться к экзаменам вместо того, чтобы путаться под ногами.

– Лаборатория – не место для игр!

– Но пап, – пыталась возразить Мия. – Это не игрушки! Я веду настоящий блог, для подписчиков, как журналист!

– Настоящий журналист – это тот, кто закончил колледж и получил образование! Мия! О чём ты думаешь! – вспыхнул Ксавьер. – Летние экзамены через три месяца, а у тебя полно троек! Если ты не подтянешь свой средний балл, ты не пройдёшь в Гарвард!

– Но я и не хочу в Гарвард

– Это не обсуждается. Мы говорили об этом много раз. Хорошее образование – основа всего. Будущей карьеры. Будущей профессии.

– Но это и есть моя работа. Я – блогер.

– Мия, ещё раз повторяю тебе, оставь этот детский сад!

– Это не детский сад, – нахмурилась Мия. – Я создаю контент для зрителей, и, между прочим, про науку!

– Боже, Мия! Всё это бездельники, которые повывлетали из школ из-за своей лени! Это не настоящая работа! Это не занятие!

– Ты ничего не понимаешь в этом!

– И хорошо! Я не намерен тратить своё время на всякие глупости!

– Вовсе и не глупости!

– Пожалуйста, Мия, если не хочешь лишиться телефона, будь добра сесть за учебники и заняться делом. И больше не звони Ребекке за моей спиной!

Мия вспыхнула. Лишённая возможности получить доступ в лабораторию, она решила действовать хитростью. Подсмотрев в ежедневнике Ксавьера расписание лекций, и позвонив с утра помощнице отца, она протараторила в трубку что-то о том, что Ксавьер забыл на журнальном столике важную зелёную папку с документами, и, услышав от перепуганной Ребекки, что профессор Фернандес уже уехал в университет, любезно предложила завезти её в лабораторию, так как ей по пути. Ничего не подозревающая Ребекка согласилась, и через каких-то полчаса Мия с улыбкой довольного кота, отыскавшего незакрытую сметану, уже проходила через заветные двери.

На её беду всё испортила Лидия, не вовремя решившая прогуляться за круассанами до ближайшей кофейни. Ставшая свидетельницей прошлого позорного изгнания Мии и получив от Ксавьера чёткие и внятные инструкции ни при каких обстоятельствах не допускать Мию в лабораторию, она немедленно ухватила девочку за руку. Невзирая на её вопли о том, что она привезла чрезвычайно важную папку, в рассеянности оставленную Ксавьером дома, и на наличие в ру-

ках Мии той самой зелёной папки (для виду даже наполненной печатными черновиками научных статей Ксавьера), бдительная Лидия немедленно позвонила профессору Фернандесу и, самолично убедившись в том, что всё это разыгранное представление – не что иное, как очередной грязный трюк несостоявшейся гуру блогер-журналистики, вежливо, но твёрдо выдворила её вшаей, снабдив на дорогу рекомендацией никогда больше не показываться в стенах сего научного института.

Разоблачённой Мии ничего больше не оставалось делать, как отправиться восвояси и вместо уже анонсированной подписчикам сенсационной съёмки скрытой камерой в лаборатории самого профессора Ксавьера Фернандеса, «Спасителя Всего Человечества», выложить очередной банальный донельзя ролик о том, как отец приглаживает волосы в прихожей перед зеркалом. Видео разочаровало охочих до сенсации подписчиков и едва набрало две сотни просмотров.

Но худшее было в том, что с тех пор Ксавьер, отправляясь из дома по делам, всегда запирает дверь кабинета на ключ, по всей видимости, опасаясь, что Мия, в погоне за сенсацией способная на что угодно, воспользуется его отсутствием и, пробравшись внутрь, снимет научные отчёты о самых свежих экспериментах, проводимых в лаборатории. Ксавьер боялся, что выложенные в интернет или проданные жаждущим поживиться репортёрам, они преждевременно увидят свет.

Ату посмеивалась над ним за это.

– Она просто пытается себя найти. Блоггерство – не самая худшая затея. Разве было бы лучше, если бы она выбрила голову под панка и проводила всё внешкольное время на непонятных тусовках в прокуренных полуподвальных клубах в окружении полупьяных подростков? По крайней мере, она на виду.

Ксавьер лишь хмурился в ответ. Он знал, что когда он дома, Мия следует за ним по пятам, как привязанная, подлавливая его на камеру из-за угла, свешиваясь с перил лестницы или выглядывая с балкона. И хотя формально она и впрямь была всё время на виду, то, что происходило у неё в голове, было для него полной загадкой. Он ни за что не признался бы в этом Ату, но в последний год ему всё чаще и чаще стало казаться, что Ксавьер перестал понимать собственную дочь.

С тех пор Мия снимала его тайком. Она понимала, что поступает неправильно, но ничего не могла с собой поделать.

– Он сам отказался давать мне интервью! – глядя в зеркало, убеждала себя она перед тем, как загрузить очередное видео с отцом. – Я всего лишь просила ответить на пару вопросов, побеседовать со мной на камеру хоть полчаса! Он сказал «нет». Ну, если нет, то я и сама сниму!

Однако ролики о том, как Ксавьер готовит кофе или читает на шезлонге в саду, не набирали и сотни просмотров. Мие требовалось нечто более крупное. Что-то сенсационное! Какое-то время она раздумывала над тем, чтобы поставить ви-

деокамеру в родительскую спальню. А что, Ким Кардашьян проснулась знаменитой сразу после подобного ролика. Она даже поделилась этой мыслью со своей подругой Кристин. К её большому удивлению, Кристин горячо поддержала идею.

– Брось, Мия! – сказала она. – Ты ведь уже не ребёнок! Должна понимать, что люди такое любят. Народу подавай что погорячее. Ещё в Древнем Риме открыли эту простую истину: хлеба и зрелищ.

– Не знаю я. Что-то это как-то не этично, что-ли.

– Так, Мия. Тебе нужны просмотры – значит, действуй! Только представь, сколько подписчиков ты наберёшь! Профессор Фернандес уже весь год у всех на устах, такое видео с ним по любому попадёт в тренды, а значит, раскрутится по всему интернету! Это миллионы гарантированных просмотров, Мия!

Этот разговор был неделю назад. И вот сегодня после уроков Кристин подошла к ней с заговорщическим видом и кивнула в сторону пустого кабинета химии, попавшегося по пути. Подмигнув и не говоря ни слова, она вложила Мие в руку миниатюрное устройство с глазком, этакую лилипутскую камеру, напоминающую небольшое невзрачное насекомое.

– Приклеивается к любой вертикальной поверхности, – зашептала она, окидывая Мию победным взглядом. – Угол обзора сто восемьдесят градусов. Питания хватит на двенадцать часов. Наутро просто отлепишь её и скинешь файлы по вай фаю на свой ноутбук.

– Откуда, – начала было Мия, но Кристин, рассмеявшись, замотала головой, приложив палец к губам.

– Не спрашивай, – шепнула она и выскользнула из кабинета.

Только к вечеру Мия вспомнила, что как-то раз Кристин обмолвилась о двоюродном брате, которые служит в ЦРУ.

В раздумьях Мия стояла у кровати и вертела в руках миниатюрную камеру. «Просто приклей её на стену, и никто ни о чём не догадается, – всплыл у неё в ушах настойчивый шёпот Кристин. – Ну же, Мия! Не упускай такой шанс! Отец тебя простит, ты же его единственная дочь! А второго такого случая может и не быть! И вообще, через месяц шумиха вокруг Фернадеса может сойти на нет, так что надо успевать!»

Но всё же Мия не осмеливалась идти в комнату родителей, представив себе, в какой ярости будет отец. Чего доброго ещё отберёт у неё телефон.

– Эх, была не была, – вдруг решила Мия и, сжав в руке камеру, шагнула к двери. Она приоткрыла дверь и осторожно выглянула в коридор. Судя по доносившимся с лестницы звукам, Ату что-то готовила внизу. Ксавьер сегодня с раннего утра уехал в офис, выскочив из дома в пять, чтобы избежать внимания назойливых журналистов, повадившихся уже чуть не ночевать в кустах у его ворот. Набрав полную грудь воздуха, и не закрывая за собой дверь, Мия на цыпочках шагнула в коридор. Родительская спальня была прямо напротив, и, по счастливому совпадению для Мии, обои на сте-

нах были украшены витиеватым орнаментом с тёмно-бордовыми вензелями.

– Если прилепить камеру на один из вензелей прямо над изголовьем кровати, родители ничего не заметят, – подумала Мия и вдруг замерла на месте.

– Чего же ты, решайся! – подгоняла она себя. – В любви и на войне все средства хороши. Собственно, и на войне за просмотры тоже! Ну, раз так, прости меня, папочка, – она сделал шаг вперёд, чувствуя, как бешено колотится сердце. И тут в полнейшей тишине за спиной громко пискнул телефон, оставленный на кровати.

«Привет, Мия! – высветилось на экране айфона новое сообщение. – Ты, наверное, не знаешь меня, но не пугайся. Я твой давний подписчик и всегда с интересом смотрю каждый твой ролик...»

Глава 6. Антураж

– Думаю, эта салфетка не подойдёт! – склонившись над столом, Мия уверенно ткнула пальцев в белоснежный бумажный квадрат. – Здесь надо бы что-нибудь яркое, цветное. Может красное?

– Как скажешь, – согласно кивнул он. – Ты у нас режиссёр!

– Хи, – смутилась Мия. – Ну, вообще-то, я нигде этому не училась. Вроде как непрофессионал. Но я всегда сама всё придумываю для своих роликов, что лучше надеть, как встать.

– Думаю, для этого необязательно быть профессионалом. Достаточно хорошего вкуса!

– О! А может вы так и скажете в ролике? Ну, когда откусите? Что-то вроде: «Ммм, у Фернадеса отличный вкус!»

Внезапно он начал смеяться. Мия смутилась.

– Будет смотреть глупо, да? Что ж, тогда не надо, не будем так говорить.

– Нет, нет, твоя идея отличная!

– Правда?

– Я бы даже сказал, сама того не зная, ты зришь в самый корень! – побряхтывая, он подтянул поближе бокал с водой и начал раскладывать вилки.

На секунду Мия засомневалась. Ей очень хотелось сделать приятное отцу. А тут такой сюрприз в его день рождения!

Она знала, папа будет рад. Он даже не станет ругать её за то, что она пропустила школу. Правда, если завуч вдруг решит позвонить родителям, её могут потерять. Может, не стоило исчезать вот так, не сказав никому, даже Кристин? Ведь у них с Кристин не было друг от друга тайн. Но если бы она обмолвилась хоть словом, Кристин бы сразу всё поняла, а, не удержи она язык между зубами, всё будет испорчено. Нет, такой эффектный сюрприз надо держать в секрете даже от лучшей подруги.

Мия не боялась его. Поначалу, она немного стеснялась, но он оказался таким милым и заботливым, хотя и каким-то странным. Угостил её кофе с мороженым. Она даже чувствовала себя немного польщённой, когда они начали подготовку к съёмке и, будучи старше, он охотно выполнял любые её указания. Расстёгивал рубашку, взъерошивал волосы, менял позу, улыбался на камеру. Распоряжаясь им направо и налево, она и впрямь почувствовала себя самым настоящим режиссёром, хозяином на съёмочной площадке. Это была её стихия. Ей нравилась сама задумка, нравилось настраивать камеру, нравилось предвкушение конечного результата, который, она была уверена, за первые же сутки выйдет в топ просмотров.

Лишь пару раз она ловила на себе его взгляд, полный железной решимости, которая тут же сменялась уже привычным добрым и чуть подсмеивающимся прищуром. «Интересно, что у него на уме?» – в такие моменты думала Мия.

Вот и сейчас, когда он внезапно захохотал, она вдруг почувствовала, как по спине пробежал холодок. «Может я зря никому не сказала, куда поехала? – вдруг осознала Мия. – Может, на всякий случай, написать Кристин?» Но тут же вспомнила, что никто не должен догадываться об этом, ибо выбиться в топ просмотров Тиктока и Ютьюба можно было только сенсацией. Да, она была уверена, что ролик произведёт эффект разорвавшейся бомбы и наберёт миллионы просмотров. Неясный холодок снова побежал по пояснице и Мию передёрнуло.

– Вот так ты сказала раскладывать? – внезапно обернувшись, спросил он. – Вроде я справился.

«Что я, маленькая, что ли?» – подумала она.

И тряхнув светлой чёлкой, чтобы отбросить глупые сомнения, Мия направилась к нему, чтобы помочь с расстановкой бокалов.

Глава 7. Кадиллак

Тишину разорвал режущий звук. Первые дни Ксавьер вздрагивал каждый раз, когда в доме раздавался звонок. Срываясь с места, он бросался к телефону, срывая трубку и лихорадочно сжимая её в руке. Отрабатывая с десятков версий, полиция выдвигала в приоритет версию о похищении с целью выкупа. С замиранием сердца Ксавьер вслушивался в воркование в трубке, стремясь сию же минуту воскликнуть: «Куда?» Он был готов отдать сколько угодно кому угодно. В девяти случаях из десяти это оказывалось невнятное бормотание очередного репортёра, охотника за горячими новостями. Ксавьер хотел изрыгнуть на непрошенного гостя поток безобразной брани, но полиция категорически запретила ему давать какие-либо комментарии журналистам, и, еле сдерживаясь, он вновь и вновь разочарованно бросал трубку.

Каждое утро ему звонил Такимото. Владелец корпорации Намбо, выкупившей у профессора Фернандеса все патенты и права на производство креатурного мяса, он проявил себя не как делец, а как участливый друг, задействовав все свои связи на высшем уровне для скорейшего расследования дела. Сам он должен был прилететь в лабораторию Ксавьера через десять дней с отчётами по производству за прошедший месяц. А пока он контролировал ход расследования по телефону, уведомляя Ксавьера о малейшем продвижении в деле.

Дни проходили один за другим, а Ату и Ксавьер до сих пор не получили ни звонка, ни письма с требованием о выкупе. К тому же на камерах отчётливо было видно, что Мия добровольно садится в машину. Версия о похищении отпала. Продажа в рабство? Но Мия была разумной девочкой, и не купилась бы на обещания лёгкого заработка. К тому же в деньгах она не нуждалась. Орудующий маньяк? Но согласно опросам одноклассников и друзей, Мия в последнюю пару месяцев не общалась ни с кем подозрительным. Проверка личных вещей также ничего не дала. Разгадку мог бы подсказать телефон, но он оставался у Мии. Не вышло и получить доступ к Ютьюб каналу Мии – пароль не был нигде записан, и ни Ату, ни Ксавьер не смогли вспомнить каких-либо знаковых слов и словосочетаний, которые помогли бы его подобрать.

Спустя неделю полиция, проверяя всех владельцев машин данной марки, подходящих по цвету, сузила круг подозреваемых до двухсот сорока девяти человек. Тогда, чтобы ускорить поиски, офицер пригласил Ксавьера в отдел, положил перед ним на стол список подозреваемых и попросил внимательно прочесть и поискать в нём знакомые имена. Резво пробегая глазами по незнакомым фамилиям, Ксавьер вдруг почувствовал, как что-то оборвалось у него внутри. Держа вмиг заледеневшими ладонями лист бумаги, он повернулся к миглом подскочившему к столу офицеру и ткнул пальцем в до боли знакомое имя на листе. Им оказался Наруто.

– Так что говорит полиция?

Ксавьер отвернулся от созерцания лужайки и, пожав плечами, отошёл от окна. Такого-то, не отрываясь, пристально смотрел на него, ожидая ответа.

– Говорят, что провели обыск в доме Наруто. Нашли розовую девичью резинку для волос. Ату сегодня утром опознала её.

– Но где же Мия?

– Не знаю, – устало вздохнув. – Никто не знает. Наруто не говорит ни слова, только посмеивается и что-то бормочет себе под нос.

– Его арестовали?

– Да, автомобиль на камерах принадлежит именно ему, и следователю удалось получить ордер на обыск и арест.

– Может быть, стоит подтянуть другого следователя? Я помогу, у меня есть связи...

Ксавьер покачал головой.

– Он не отрицает, что увёз Мию. В его почте нашли переписку с ней. Он написал, что хотел бы помириться со мной и приехать навестить меня в день рождения. Просил её помочь подготовить мне сюрприз.

– И Мия купилась на это?

– Она хорошо знает, что я много лет дружил с Наруто. Когда она была совсем маленькой, он регулярно гостил у нас.

– Ей ведь уже шестнадцать?

– Пятнадцать. – Ксавьер нахмурился и вновь отвернулся к окну.

Не найдя девочку в доме, полиция проверила видеозаписи с камер на всех окрестных улицах, но тщетно. Ни одна машина не выезжала из особняка с тех пор как его огромные железные ворота поглотили за собой заляпанный грязью кадиллак, который привёз Мию. Полиция опросила всех соседей, внимательно осмотрела границы участка, и ничего не нашла. Через два часа на место прислали трёх лучших розыскных собак. Им дали понюхать школьную форму Мии. Низко пригнув головы и почти вспахивая кончиком носа землю, они сантиметр за сантиметром прочесали каждый клочок земли вокруг дома. Тщетно.

Оставался сам особняк. Его проверили кинологи с собаками, простучали стены на наличие скрытых комнат и тайных помещений. Ксавьер со следователем лично спускались в подвал, где полицейская команда прощупывала каждый кирпичик кладки. Дом был пуст.

Ничего не удалось добиться и на допросе самого Наруто. Он отказывался отвечать, требуя адвоката. Время шло, и Ксавьер почти физически ощущал, как драгоценные минуты утекают сквозь пальцы.

– Послушай, Ксавьер, – вырвал его из дум уверенный голос Такимото. – Я задействую все свои связи, подниму знакомых специалистов. Клянусь, я сделаю всё возможное. Мы найдём её.

Ксавьер лишь устало посмотрел на него.

– Я привёз тебе отчётность о последних произведённых партиях. Сейчас, вероятно, не до этого. Оставлю на столе.

Такимото положил на стол увесистую зелёную папку. Одним из условий продажи полных и эксклюзивных прав на запатентованную креатурную технологию Ксавьера стало поставленное им условие о строгом контроле над производством. Стремясь избежать той ситуации, когда крупный бизнес в погоне за прибылью начнёт каким-то образом нарушать технологический процесс, Ксавьер специально просил Такимото включить этот пункт в подписанный им договор и даже летал в штаб-квартиру корпорации для личного обсуждения этой темы с Такимото. К удивлению Ксавьера, тот легко согласился.

С тех пор каждый месяц Такимото лично прилетал на частном джете в Калифорнию с толстенной папкой, в которой были собраны показатели выпущенных партий креатурного мяса. А раз в квартал Ксавьер сам выезжал на предприятие, выбирая любую из трёхсот пятидесяти лабораторий Намбо, занятых в производстве креатурного волокна, чтобы лично убедиться в том, что вся технология выращивания и нормы по содержанию в мясе белков, жиров и углеводов соблюдаются от и до.

– Даю тебе слово, – протянул ему руку Такимото на прощание.

Ксавьер пожал протянутую ладонь, в который раз удивля-

ясь крепкой уверенной хватке этого с виду рыхлого человека. Подхватив портфель, Такимото кивнул головой на прощание и вышел из кабинета.

– В аэропорт, – бросил он подбежавшей личной охране.

Глава 8. Допрос

Наруто арестовали в понедельник. Он нигде не скрывался, спокойно проживая в своём поместье. Во время задержания он не пытался бежать, ничем не выдавая своих эмоций. На допросе он в основном молчал, отвечая лишь на фактические вопросы о своей биографии. На предъявленные ему фото с камер видеонаблюдения, где была запечатлена машина с фальшивыми номерами, найденная у него в гараже, он взглянул с интересом, но комментировать не стал.

Ксавьер рвал и метал. Требуя, чтобы ему устроили очную ставку с Наруто, он дошёл до начальника калифорнийской полиции. Несмотря на то, что встреча с подозреваемым было нарушением всех полицейских кодексов, ситуацию удалось преломить после звонка Такимото. Имея связи в самом верхнем эшелоне власти, он посодействовал решению вопроса, и уже в четверг утром Ксавьер сидел за огромным пустым столом, ёрзая от нетерпения на холодном и крайне неудобном металлическом стуле, привинченном к полу. Там, за стеклом, которое отсюда казалось непрозрачным, в сопровождении следователей стояла Ату, жадно ловя каждое слово. Дверь распахнулась, и в комнату ввели Наруто.

Он не был ни побледневшим, ни истощённым. Ровно такой же, каким Ксавьер видел его каждый день, когда рано утром Наруто бодрым шагом врвался в их общую лабораторию.

рию и, схватив первый попавшийся маркер, с порога начинал чертить на белой доске какие-то схемы, попутно оповещая присутствующих о грандиозной идее выделения из насекомых очищенного белка, которая пришла к нему прошлой ночью.

Он не прятал глаза. До боли знакомым серьёзным взглядом Наруто сверлил замершего на месте Ксавьера, и тот вдруг невольно отметил какие-то игривые искорки, то и дело вспыхивавшие в его взгляде. Сам не понимая отчего, Ксавьер вдруг смутился и опустил взгляд, чувствуя себя провинившимся учеником перед авторитетным и справедливым учителем. Робкое покашливание офицера вернуло его к действительности. Следовало отбросить все эти воспоминания и сантименты. Он был здесь ради Мии.

Решительно направив взгляд на бывшего учителя, Ксавьер прохрипел:

– Где Мия?

Никак не отреагировав, Наруто скованными в запястьях руками выдвинул из-под стола убогий металлический стул и, сев на него ровно, принялся раскачиваться из стороны в сторону, словно метроном.

– Где моя дочь? – подходя ближе, повторил Ксавьер.

Наруто молчал.

– Что ты с ней сделал? – переходя на крик, сорвался Ксавьер.

Всё так же глядя на него проницательными глазами, На-

руто вдруг беззвучно пожевал пересохшим ртом и внезапно усмехнулся:

– Ну как тебе мой подарок?

– Послушай, ты, – опершись на стол и наклоняясь к самому лицу арестованного, угрожающе взревел Ксавьер, – если с ней что-нибудь случится, я задушю тебя собственными руками!

– Собственными руками? – вдруг затрясся Наруто мелкой дрожью, и на мгновение опешивший Ксавьер замолчал, не понимая, приступ ли это, или японец сейчас расплечется. К сотрясавшемуся телу добавились лихорадочные подёргивания пальцев, у Наруто задрожали плотно сжатые губы и, к удивлению Ксавьера, он выплеснул из себя порцию истеричного гоготания. Частый лающий смех, переходивший то в ультразвуковое повизгивание, то в жалобное подвывание, бил по ушам, и, не веря своим глазам, Ксавьер отшатнулся от наполовину сползшего со стула Наруто.

– Да он безумен! – мелькнула мысль, и тут же Ксавьер отмахнул её прочь. За три с лишним десятка лет, что он знал профессора, Наруто был наиболее рациональным и разумным человеком. Каждое его действие было подчинено строжайшей логике, он никогда не давал воли чувствам и отвергал любые эмоциональные поползновения, которые силились повлиять на его научную деятельность и жизненный уклад.

Растерявшись, Ксавьер оглянулся на сопровождавшего

его офицера, но тот в ответ лишь пожал плечами:

– И так каждый раз.

– Его обследовали?

– Психиатрическая экспертиза подтвердила полную вменяемость.

Им пришлось подождать добрых пять минут, пока Наруто не насмеялся всласть, и лицо его приняло первоначальное выражение проницательности и какого-то загадочного лукавства.

Ксавьер решил зайти с другой стороны.

– Как ты связался с моей дочерью?

– Я видел её блог. Она очень амбициозная девочка для своих лет.

– О чём ты писал ей?

– Хотел сделать тебе сюрприз, – вновь усмехнулся Наруто.

– Зачем ты привёз её к себе?

– Она пригласила меня стать героем своего блога. Анонсировала большой выпуск с моим участием. Разве она не сказала тебе? – дьявольская искра промелькнула в глазах Наруто. Что-то дьявольское было в том, как он хищно облизал влажным языком свои потрескавшиеся губы, и Ксавьера передёрнуло.

– Тебе следовало следить за её творчеством, – отчего-то обрадованный замешательством Ксавьера, с энтузиазмом продолжил Наруто. – Ты что, не видел ролик с анонсом большого гостя?

Ксавьер сжал кулаки. Те же слова бросила ему в лицо Ату, когда прошлой ночью билась в истерике, с каждым днём теряя надежду найти свою дочь живой.

Глава 9. Находка

На рабочем столе уныло остывал ланч, оставленный Лидией в заботливо раскрытом контейнере. «Должно быть, уже полдень!» – подумал Ксавьер.

От вида сочного жирного куска говядины, еще шкворчащего и сочащегося мясным соком, Ксавьера замутило. Схватив тарелку и одной рукой зажимая нос, он кинулся прочь из кабинета, в лабораторию, и одним махом опрокинул тошнотворное содержимое в первый попавшийся под руку контейнер. «Не забыть сказать Лидии, чтобы потом прибрала», – подумал он.

С момента допроса Наруто прошло три дня. Не добившись больше ничего, кроме очередного приступа гомерического смеха, Ксавьер тогда ушёл ни с чем, желая поскорей отделаться от офицера, виновато твердящего ему о том, что им, очевидно, потребуется больше времени, чтобы расколоть подозреваемого и вычислить местонахождение девочки. С тех пор от следователя не было никаких вестей. Не в силах смотреть на то, как раздавленная горем Ату весь день слоняется по комнатам, то тут, то там поправляя фоторамки и переставляя с места на место всё, что попадётся под руку, Ксавьер с раннего утра пропадал в лаборатории.

– Мы начинаем новый эксперимент, профессор? – с энтузиазмом прокричала Ребекка, едва перешагнув порог, и резвым шагом направилась к лабораторному столу, заваленному бумагами, за которыми Ксавьер пытался отвлечься от гнетущих мыслей.

– С чего ты взяла? – удивлённо покосился на неё Ксавьер.

– Тот самый образец! Я провела его анализ, ну и подумала, что такие исследования ведь нетипичны для нашей лаборатории.

– Что за образец?

– Тот кусок, из контейнера. Я только что получила результаты, вот и решила, что мы, наконец, начнем работу над чем-то новеньким.

– Эх, Бекки, Бекки, – Ксавьер нахмурил лоб, не зная, смеяться ему или плакать. – Ты что, совсем заработалась?

Ребекка стояла перед ним такая растерянная, готовая немедленно броситься выполнять любое его поручение. Он усмехнулся и вспомнил, что двадцать лет назад и сам был такой. Тогда он только пришёл в лабораторию Наруто.

– Профессор? – Ребекка продолжала недоумённо глядеть на него, и, очнувшись, Ксавьер покачал головой.

– Бекки, а ты ещё называешься биохимиком! Это же обычный стейк от Намбо. Лидия, должно быть, забыла его прибрать.

– Да нет же, профессор! Я не имела в виду ваш стейк. Я говорю о том образце мяса, которое вы оставили в контей-

нере здесь, на столе!

– Да говорю же тебе, Бекки, это просто стейк, который я собирался выкинуть, потому что мне кусок в горло не лез.

– Но профессор, этот образец некреатурный!

– Не может быть, – рассмеялся Ксавьер. – Должно быть, ты что-то напутала в анализах!

– Я вам не какая-нибудь лаборантка с третьего курса! – тотчас надулась Ребекка.

– Ну-ну, не сердись! Я не имел в виду ничего обидного. Просто я точно знаю, что это был рядовой креатурный стейк от Намбо, купленный в ресторане за углом.

– А я точно знаю, что это не стейк! Это прекрасный некреатурный образец, довольно свежий, подвергнутый термической обработке.

– Не может быть, Бекки! Ты уверена, что ничего не перепутала?

– Да говорю же вам, профессор! Я подумала, что нам предстоит новый эксперимент.

– Это обычный креатурный кусок, который Лидия заказала в ресторане мне на ланч. Стейк от Намбо, понимаешь? Он не может быть натуральным!

– Не знаю, что там заказывает вам Лидия, но я учёный, и верю лабораторному оборудованию и данным отчёта.

– И что за данные?

– Это кусок человеческой плоти, как я и говорила, довольно-таки свежий, видимо срезанный сразу после гибели об-

разца и подвергнутый термической обработке первой степени при температурах порядка ста градусов.

– Да что такое говоришь, Бекки? – вознегодовал Ксавьер.

– Я говорю ровно то, что видела! – выйдя из себя, закричала на него Ребекка, взбешённая его неверием.

– Ты что, на полном серьёзе пытаешься меня убедить в том, что стейк, обычный стейк с кровью, купленный в Намбовском ресторане, оказался куском человеческого мяса? – возопил Ксавьер, едва сдерживаясь.

– Я не знаю! – распалаясь от эмоций, вопила Ребекка. – Я не думала, что это стейк из ресторана, я вообще не понимала, что это стейк! Просто взяла его как лабораторный образец, присвоила ему номер и провела анализ!

– Хорошо, хорошо, Бекки, только успокойся, – забормотал Ксавьер, видя, что ситуация выходит из-под контроля, и ещё больше раздражаясь от того, что слова Ребекки не укладывались у него в голове. – Давай не будем впадать в панику. У тебя сохранился стейк целиком?

– Конечно! – встрепенулась Ребекка. – Я отрезала для анализа лишь кусочек, как и всегда.

– Сделай повторную проверку, и, пожалуйста, проследи, чтобы были исключены любые случайные загрязнения и вмешательства!

– Хорошо, профессор.

– Займись этим немедленно!

Глядя вслед торопливо удаляющейся Ребекке, Ксавьер

потряс головой и раздражённо потёр пальцами виски. «Что за чертовщина?» – устало подумал он, направляясь к двери.

Глава 10. Новый скот

Уже час Ксавьер мерил размашистыми шагами свой кабинет, не в силах остановиться. Будучи учёным, он привык всегда доверять фактам, а теперь перед его глазами были именно факты, доказательства реальной некуда, распечатанные на бумаге повторные анализы лабораторного образца под номером один.

В сотый раз пробегая глазами по строчкам заключения, Ксавьер как будто надеялся, что страшные слова вдруг испарятся и на их месте возникнут понятные и ожидаемые буквы, складывающиеся в столь ожидаемое резюме «имеет искусственное, креатурное происхождение».

Вместо этого в глаза били официальные чернила, гласящие «вероятность природного происхождения тканей образца равняется 100%, видовая принадлежность тканей образца – Homo Sapiens, возраст предположительно до 20 лет».

Почему обычный ресторанный стейк на проверку оказался куском свежезажаренного человеческого мяса? И вообще, как должен поступить любой нормальный человек, обнаружив человечину у себя в тарелке? Первым порывом Ксавьера было вызвать полицию. Но учёный в нём одержал верх. «Всего сутки, только чтобы исследовать», – убеждал он себя. «Мне нужен всего один день».

Необходимо докопаться до сути, выяснить, что происхо-

дит. На кухне завёлся маньяк-потрошитель? В мишленовском ресторане? Он подаёт человечину гостям, но с какой целью? Насколько было известно Ксавьеру, психи-каннибалы предпочитали есть своих жертв сами. А может, произошла случайность, несчастный случай? Чью-то руку затянуло в мясорубку? Но в таком случае, кто в здравом уме оставит в ходу партию мяса. Да и стейк был из цельного куска, а вовсе не из фарша.

– Профессор, – стук в дверь и робкий голос Ребекки прервал его размышления. – К вам можно?

– Конечно, входи, – обрадовался Ксавьер, надеясь на то, что она принесла новости, способные развеять неопределённость. – Что там, Бекки?

– Я сделала третью проверку образца. Анализы подтвердились.

Ксавьер нахмурился.

– И ещё, профессор...

– Да?

– Насчёт вашей идеи... Лидия проехала по супермаркетам и лавкам Намбо и прикупила дюжину стейков в разных местах, охлаждённых и замороженных, ещё заказала пять штук в ресторанах по всему городу. Кроме того, наши филиалы в двадцати странах по моему запросу сделали аналогичные закупки. Я проверила их все.

– И что? Не томи, Бекки, – взмолился профессор, видя, что Ребекка отчего-то мнётся.

– Они идентичны. Все образцы некреатурные. Это не искусственное, а настоящее мясо.

– Хочешь сказать, что все закупленные образцы на проверку оказались человечесиной?

– Так показали анализы.

Видя, что Ксавьер молчит, Ребекка шагнула вперед.

– Профессор, клянусь, я бы и сама никогда не поверила, но я видела результат своими глазами! Вот, посмотрите!

– Не надо, Бекки, – вздохнул Ксавьер. – Я верю тебе.

– И что нам теперь делать? Стоит позвонить в полицию?

– Кто производитель всех стейков?

– Корпорация Намбо.

– Всех образцов?

– Всех.

– О боже!

– Профессор, я не понимаю, как же так получилось? Всё мясо, производимое Корпорацией, креатурное, это же выращенные волокна по вашему методу? Ваша разработка, та самая, за которую вы и получили Нобелевскую?

– Верно, Бекки. Я продал им всю технологию.

– Но если их продукция выращена, почему они продают образцы настоящего человеческого мяса? И где они его берут? Ведь его нельзя воспроизвести в лаборатории. Оно определяется анализаторами, как натуральное, а значит, оно срезано с реального человека. О боже! – внезапно осознав всю оглушающую значимость жуткого открытия, прошепта-

ла Ребекка. – О господи, профессор, вы же не думаете, что они режут живых людей?

– Спокойно, Бекки. Нам предстоит всё выяснить.

– Мы должны заявить в полицию!

– Не торопись, Бекки, – взмахнул рукой Ксавьер.

– Но как же не торопиться? В магазинах по всему миру продаётся человеческое мясо! Все рестораны Намбо подают его гостям! Где же они берут столько свежих трупов, ведь Корпорация монополист на мясном рынке? Их поставки по всем странам исчисляются миллионами тонн! – Ребекка задохнулась от возмущения. – Нет, это невозможно, это же бред какой-то! Если бы они использовали трупы, анализ бы показал наличие в мясе трупных ядов. Неужели вы думаете, что они режут живых людей?

Ребекку затрясло. Не в силах удержаться на ногах, она упала на стул и в ужасе закрыла лицо руками.

Ксавьер склонился к ней, пытаясь обнять за плечи, но она вырвалась и резко встала.

– Вы хоть представляете, что это значит, профессор? Для такого производства нужны сотни людей ежедневно! Нужно их как-то поймать, выкрасть, я не знаю! Мы должны немедленно ехать в полицию!

– Бекки, ты слишком спешишь с выводами, – протянул Ксавьер.

– Спешу с выводами? Профессор, это же скотобойня! Человечина на убой! Корпорация делает на этом миллионы!

– Дай мне два дня, Бекки. Всего два! Я немедленно вылетаю в Токио и лично поговорю с Такимото. Должно быть, это какое-то отклонение в партии.

– В партии? Вы хоть слышите себя, профессор? Человеческое мясо теперь меряется партиями? А люди что, новый скот? – не выдержав, завизжала Ребекка.

– Довольно, Бекки! – прикрикнул на неё Ксавьер.

– Боже, профессор, – не останавливалась Ребекка. – Это ужасно!

– Послушай меня, Бекки, только не возражай! Я выясню всё с Такимото и завтра же позвоню в полицию. А ты пока займись делом и подготовь все улики и доказательства, сведи вместе все анализы в нескольких экземплярах, подготовь образцы. Сделаешь?

– Конечно профессор, – не спуская с него горящего взгляда, по-странному спокойно заговорила Ребекка. – Но я думаю, мы совершаем большую ошибку. Нам стоит немедленно позвонить в полицию.

– Поверь мне, мы позвоним им, но не сейчас. А пока будь умницей и займись материалами. И ещё, Бекки?

– Да, профессор?

– Пока никому не говори ни слова о том, что мы обнаружили.

Пристально поглядев на Ксавьера, Ребекка опустила глаза:

– Хорошо, профессор. Только из уважения к вам.

– Вот и отлично, – удовлетворённо вздохнул Ксавьер. –
Лидия, срочно машину в частый аэропорт!

На ходу натягивая пиджак, Ксавьер вылетел из кабинета.

Глава 11. Такимото

– Откуда у Корпорации человеческое мясо?

– О чём ты говоришь, Ксавьер? – развалившись в удобном кресле с бокалом коньяка, Такимото, с улыбкой разглагольствовавший на тему расширения рынков сбыта, удивлённо воззрился на сидевшего напротив Ксавьера.

– Я спрашиваю, откуда в продукцию Корпорации попало человеческое мясо?

– Ты, верно, бредишь, Ксавьер!

– Я собираюсь заявить в полицию.

– Послушай, Ксавьер, – начал было Такимото, но профессор не дал ему договорить.

– В лаборатории мы проверили более двухсот образцов Намбо, разного веса, даты производства, номера партии, лаборатории-изготовителя. Они все оказались человеческим мясом.

– Брось, Ксавьер, ты же знаешь, Корпорация не первый год производит креатурные мясные волокна, пользуясь твоими разработками. Это воистину научный прорыв, за который ты получил заслуженную премию...

– Плевать я хотел на премию! Ваши образцы некреатуры!

– Должно быть, ошибка оборудования, – пожал плечами Такимото.

– Не делай из меня дурака! – вспыхнул Ксавьер. – Уж я в науке подольше твоего и знаю, как распознать ошибки в анализах.

– Ну, значит, это такая шутка, – решил Такимото.

– Шутка? – поднялся со своего места Ксавьер.

– Ну да, глупый розыгрыш от твоих лаборантов. Возможно, они хотели тебя разыграть.

– Послушай меня, Такимото, – отчётливо выговаривая каждое слово, угрожающе заговорил Ксавьер. – Это не шутка, не розыгрыш и не ошибка оборудования. Я знаю, что тут происходит. Знаю, что Намбо производит настоящее человеческое мясо под видом искусственного креатурного. И знаю, что в Корпорации никто ничего не осмелился бы заменить выращенное мясо настоящим без твоего ведома.

– Ты переутомился, Ксавьер, – смеясь, отмахнулся от него Такимото.

– Ну, хорошо, – заявил Ксавьер. – В таком случае я немедленно уведомляю полицию. Обернувшись к аппарату, профессор снял трубку и начал тыкать пальцами в кнопки. Он уже набрал девятку, когда позади него, внезапно усмехнувшись, Такимото с громким стуком поставил на столик бокал с виски.

– Наруто знал, что ты догадаешься! – объявил он.

Отказываясь верить своим ушам, Ксавьер обернулся.

– Он так и сказал мне: «Хотел бы я видеть его лицо, когда он узнает правду! Клянусь, отдал бы за это хоть пятьсот Но-

белевских премий и всю научную карьеру!

– Что ты такое несёшь?

– Ты слеп, Ксавьер! Открой глаза! Наруто догадался почти сразу. Брось, Фернандес, даже ты не можешь не признать, что объективно Наруто намного умнее тебя. Честно говоря, не знаю, как ты вообще его обошёл. Какая пелена застила разум этим дуракам из нобелевского комитета. Глупые курицы, кудахчущие о спасении человечества.

– При чём здесь это?

– Не обижайся, Ксавьер. Глубоко внутри ты и сам понимаешь, что как учёный не стоишь и мизинца Наруто. Все твои хваленые новаторские разработки далеки от реальности, как мечты полететь на Марс.

– Но ты же сам выкупил у меня разработки!

– Выкупил, и отвалил немалые деньги за эксклюзивные права на твоё изобретение. Эксклюзивные – чтобы никто не лез копать в сути.

– В сути чего?

– Боже, иногда я думаю, что Наруто был прав, называя тебя круглым идиотом.

– Откуда ты знаешь, что говорил обо мне Наруто?

– Мы неплохо побеседовали с ним.

– Ты виделся с Наруто?

– Он приходил ко мне полгода назад. Старик догадался ещё в самом начале. Впрочем, он всегда говорил, что твоя теория креатурного мяса несостоятельна, так как выращи-

вание искусственных мясных волокон в производственных масштабах обойдётся слишком дорого и никогда не станет выгодным. Однако стоит признать, Наруто был умный мужик, хоть и смешной. Всё талдычил про своих кузнечиков.

– Зачем он приходил к тебе?

– Говорю же, Наруто был умный. Он ещё с первых партий понял, что производить креатурное мясо на конвейере потребует нереальных затрат, которые никогда не окупятся. Такое производство никогда не станет экономически оправданным, даже в мировых масштабах. Так что он пошёл твоим путём, но задолго до тебя. Закупил партии стейков из разных штатов и проанализировал их.

– Он знал? Почему же он не пошёл в полицию?

– А зачем? Неужели ты так ничего и не понял, Ксавьер? Наруто плевать на людей. Для него ничего не имело значения, кроме науки. Чёрт возьми, да он спал-то по три часа в сутки, всё пропадал в своей лаборатории, среди червяков и саранчи.

– О Господи! Так это правда?

– Ага! Это так увлекательно, смотреть за тобой, как и предсказывал Наруто. Боже, у тебя сейчас такое дурацкое выражение лица!

– Корпорация действительно выпускает человечину под видом искусственного мяса?

– Ну да. После того как Наруто понял, что Намбо просто фасует натуральное человеческое мясо, он написал мне

письмо и предложил личную встречу.

– Что он тебе сказал?

– Сказал, что восхищается тем, как я обвёл тебя вокруг пальца, и считает, что ты в полной мере это заслужил. «Какое изумительное чувство юмора у Бога!» – сказал он тогда. Своим открытием ты уничтожил его научную карьеру, а твоё хвалёное псевдоизобретение в итоге уничтожит человечество!

– Почему он не пытался тебя остановить?

– Говорю же, его это не волновало. Наруто интересовала только наука, ему чуждо жалость и сострадание к людям. Он лишь сказал, что ты перевёл стрелку и отправил локомотив человеческой цивилизации по пути деградации.

– Он такой же моральный урод, как и ты!

– Впрочем, он всё-таки попросил. За своих.

– За своих?

– Ага. Просил не трогать японцев.

– Не трогать японцев?

– Ну да. Наш основной поставщик сырья – Африка и Индия, но мы не брезгуем и другими странами.

– Поставщик сырья? Ты говоришь о живых людях, жалкий больной ублюдок!

– Какая патетика. Земля всё равно перенаселена. Считай, что мы исполняем функцию санитаров леса. А что касается Наруто, я дал ему слово.

– На его месте я бы не стал тебе верить!

– О, нет, я собираюсь сдержать своё слово!

– Неужели так любишь японцев?

– Нет, просто мне понравился его план.

– Какой ещё план?

– О! Это просто шедевральный задумка! Впрочем, не могу тебе раскрыть все детали. Ты и сам всё скоро узнаешь.

– Клянусь, ты или пьян, или сумасшедший! Наруто в тюрьме по обвинению в похищении моей дочери!

– Ну, во-первых не в тюрьме, а в принудительной лечебнице.

– Что?

– Он попросил посодействовать ему в переводе в психушку. Надеялся на последний разговор с тобой.

– Ты перевёл его в лечебницу?

– Готов признать, это было непросто. Пришлось задействовать связи, но ты же знаешь – доход Корпорации исчисляется миллионами, а кто владеет деньгами, тот всемогущ!

– Вы оба сгниёте в тюрьме, ты и Наруто! Я с большим удовольствием буду свидетельствовать против вас!

– Ксавьер, мой наивный мальчик! Потому-то ты и понравился мне с самого начала. Неужели ты думаешь, что после всего, что здесь узнал, сможешь выйти отсюда живым?

Три томительных секунды прошло, пока слова достигли ушей Ксавьера, проникли ему в мозг и отпечатались в сознании явной угрозой. Запустив в лицо Такимото первым попавшимся предметом со стола, он кинулся к выходу, выско-

чил за дверь и, получив сзади оглушающий удар по темени, со стоном рухнул на пол и провалился во тьму.

Глава 12. Пробуждение

Ксавьер очнулся в полной темноте. Вокруг было тихо, над головой слышалось мерное гудение кондиционера, да в левом углу на уровне глаз мигала какая-то лампочка. Профессор лежал на спине, руки и ноги были крепко привязаны к кровати, лишая его возможности пошевелиться. В панике он заорал и задёргался всем телом, пытаясь освободиться. За стеной немедленно послышался торопливый топот приближающихся ног, через секунду дверь распахнулась, и на пороге возник дородный широкоплечий детина в форме санитаря. Белоснежная, накрахмаленная ткань его формы и доброжелательная услужливая улыбка так контрастировали с окружающей действительностью, что Ксавьер на мгновение замолчал.

– Как себя чувствуете, профессор? – вежливо осведомился детина.

– Развяжите меня! – вместо ответа потребовал Ксавьер.

– Никак не могу без разрешения доктора, – покачал головой тот.

– Так позовите его!

– Доктор придёт на обход завтра с утра.

– Так что же мне, до утра лежать неподвижно?

– Могу включить вам телевизор, – любезно предложил санитар, кивая в левый угол. Мигавший в темноте зелёный ого-

нёк оказался лампочкой большого плоского экрана, вмонтированного в стену напротив кровати.

– Я хочу встать, – заявил Ксавьер.

– Никак нельзя без разрешения доктора, – отрезал санитар.

– Где я?

– Клиника глубоких невротических состояний.

– В каком городе?

– Этого я вам сказать не могу.

– Что за бред! Я спрашиваю, где я нахожусь?

– Я же сказал вам, вы в клинике, – нахмурился санитар. –

Не стоит буяннить, иначе мне придётся вколоть вам снотворное.

– Скажите хотя бы, в каком штате!

– Не могу без разрешения доктора.

– Я хоть в Америке?

– Повторяю, не могу ничего сказать без разрешения доктора.

– Да чёрт бы вас побрал! – ругнулся Ксавьер, теряя терпение.

– Это всё? – невозмутимо осведомился санитар, разворачиваясь корпусом к выходу.

– Нет, погодите. Как вас зовут?

– Не могу сказать...

– Без разрешения доктора! Заладил, как попугай. Я есть хочу!

– Не положено без разрешения доктора!

– Мне нужно в туалет!

– Вы можете воспользоваться надетым на вас памперсом.

– Я взрослый и не буду ходить в памперс! Наденьте сами, если хотите! Отведите меня в туалет!

Не слушая его, санитар взялся за ручку двери.

– Пойдите! Включите телевизор, – утомившись от бесплодных попыток и внезапно сдаваясь, согласился Ксавьер.

Санитар прошёл в угол и, дождавшись пока загорится экран, взял в руки пульт.

– Какой канал? – спросил он, не оборачиваясь.

– Что-нибудь из новостей.

– Оставлю на CNN.

Пощёлкав пультом и настроив звук, он бесшумно проскользнул к двери и, не сказав больше ни слова, вышел.

Вытянув шею, насколько позволяло его прикованное к постели состояние, Ксавьер внимательно оглядел комнату. Сразу над телевизором в противоположном углу возле окна над потолком виднелся глазок миниатюрной камеры, которая следила за всем, что происходит в комнате.

– Умён Такимото, – подумал Ксавьер. – Как же мне выбраться отсюда?

Он стал разглядывать окно, завешенное лёгкими шторами, пытаясь разглядеть сквозь полупрозрачную ткань хоть что-то из окружающего пейзажа, как вдруг краем уха услышал собственное имя, скороговоркой произнесённое репор-

тёршей. Ксавьер вперил глаза в экран.

– Известный американский учёный, обладатель Нобелевской премии по биологии 2020 года, Ксавьер Фернадес был экстренно госпитализирован в одну из ведущих клиник Нью-Йорка. По имеющимся на данный момент сведениям, он впал в кому на фоне сильнейшего нервного срыва и глубочайшей депрессии из-за внезапного исчезновения дочери. Напомним, пятнадцатилетняя Мия Фернадес пропала две недели назад. Предположительно, она была похищена, однако до сегодняшнего дня родители не получали требований о выкупе. Полиция считает, что к её похищению может иметь отношение бывший коллега Фернадеса, профессор Наруто. После проведения повторной психиатрической экспертизы, задержанный по подозрению в похищении несовершеннолетней, Наруто был признан психически невменяемым и помещён для обследования в специализированное медицинское учреждение с диагнозом «острая шизофрения». На данный момент его состояние неизвестно. Что касается самого профессора Фернадеса, за его состоянием круглосуточно следят лучшие специалисты, однако, по словам врачей, прогноз неутешительный. Сегодня утром стало известно, что правая рука профессора Фернадеса, ведущий сотрудник лаборатории Ребекка Даунтон погибла при пожаре в собственном доме. По предварительным данным причиной возгорания стала непотушенная сигарета.

– Будь ты проклят, Такимото, – выругался Ксавьер. – Я

отомщу тебе за Бекки! Тебе не удастся сгноить меня в этой дыре!

Внезапно дверь отворилась, и Ксавьер, уже успевший обдумать хитрый план, как попросить санитара об услуге, повернул голову и с удивлением увидел вошедшего в комнату.

Глава 13. Спаситель

Задержавшись посреди комнаты, Наруто окинул взглядом привязанного к кровати Ксавьера и, усмехнувшись, уместился на стуле напротив.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Ксавьер.

– Разве Такимото не сказал тебе, что вытащил меня из тюрьмы? Раз ты оказался здесь, значит, наверняка уже побеседовал с ним.

– Что тебе нужно?

Вместо ответа Наруто загадочно улыбнулся, но не сказал ни слова.

– Почему ты не остановил Такимото? Ведь ты знал всё с самого начала! Почему не заявил в полицию?

– Брось, Ксавьер. Ты же так гордился своим изобретением. Человек, который спасает мир!

– Я гордился тем, что научился выращивать искусственное мясо! А не продавать человечину под видом креатурных стейков!

– Искусственное мясо. Бред. Насекомые – вот спасение человечества! – злобно зашипел Наруто, наклоняясь вперёд и сверля Ксавьера диким взглядом. – Белок, чистейший белок, только белок из насекомых смог бы спасти эту планету! Но нет! Ты запудрил всем мозги своим шарлатанством! И они повелись, они все пошли за тобой как слепое стадо! Они

объявили тебя мессией, победителем голода, спасителем человечества! Старые ослы, вручайте, вручайте ему! Медали, премии! О, да! Ты получил Нобелевскую по праву!

Наруто вдруг воздел руки кверху и захохотал:

– Славься, Ксавьер! О, великий Ксавьер! Ты отнял у меня всё! Всё, чего я жаждал. Всё к чему стремился. Все результаты моей кропотливой работы, сорок лет жизни – всё пошло прахом. Ты доказал, что мои идеи никому не нужны, что настоящий гений здесь ты! Что эти мелкие букашки и кузнечики! Кому они нужны? Один за другим они отвернулись от меня, лаборатории, гранты! Все славят великого Ксавьера! Он спас человечество от голода! Всего лишь за один год совершил величайшее открытие! Решил проблему тысячелетия! О да, этот 2020 год войдёт в историю, твердят они. Это знаменательный год, год спасения человечества. Год, который изменил всю историю. Год смены эпох, веха новой цивилизации. Год вступления в новую эру, эру всеобщего довольствия и сытости! Славься, о, великий Ксавьер! Вот и я здесь, пришёл, чтобы преклонится перед спасителем!

И не переставая хохотать, Наруто присел в шутливом реверансе.

– Если ты ненавидишь меня, зачем отправил мне поздравительную посылку?

– Разве не ясно? Хотел разделить с тобой исторический момент. Вкусить плоды новой эпохи.

– Не понимаю, о чём ты.

– Ну же, Ксавьер, напряги мозги! – придвинувшись почти вплотную к его лицу, с довольной улыбкой зашипел Наруто. – Ты один виноват в том, что по твоей наводке всё человечество вступило в новую эпоху – время каннибализма. Древние римляне погрязли в разврате и вседозволенности, они смаковали бои гладиаторов и вспарывание кишок бедных рабов, но даже они не додумались до такого! Это закат истории, закат всего человечества.

– Клянусь, я не знал о том, что задумала Намбо!

– Конечно, не знал. Ты слишком глуп! Вот твоя дочь сообразительная девочка.

– Где Мия?

Наруто мерзко захихикал, разбрызгивая слюнями, словно гиена.

– Где моя дочь? – завопил Ксавьер. – Что ты с ней сделал, ублюдок? Если ты тронул её хоть пальцем...

Не переставая хохотать, Наруто запустил руку в карман.

– Где она?

– Такая милая девочка! Мы славно поболтали!

– Что с ней?

– Ты никогда не должен был получить её! Твои идеи это бред, бред чистой воды! Навыращивать искусственное мясо так, чтобы хватило на всю планету, открой глаза, Ксавьер! Мы все погрязнем в пороке, все! Ты ввергнул человечество в ад! Содом и Гоморра, мы все уже там, все!

Внезапно наклонившись, он вытащил руку из кармана и

сунул Ксавьеру под нос какую-то вещь.

– Смотри! Смотри! Клянусь, я в жизни не ел такого сочного мяса! Можешь мне верить, уж стейков я отведал не одну сотню!

Глядя на фотографию стейка с кровью, которую он уже видел тем утром, когда пришла загадочная посылка, Ксавьер корчился на кровати, пытаясь освободить запястья.

– Где моя дочь? – рычал он.

– Не стоит винить себя, – словно забавляясь этой игрой в намёки, вдруг посерьёзнев, продолжал Наруто. – Мир изменился, и это так закономерно, что мы тоже изменились, приспособились к новым условиям. Ты же биолог, Ксавьер, ты знаешь, что выживают лишь те, кто эволюционирует! Это новый путь человечества, новая реальность! Это так естественно теперь!

– О чём ты говоришь? Где Мия?

Наклонившись пониже, Наруто зашептал:

– Я теперь твой ярый поклонник. Истинный последователь. Я вступил в секту спасителя Ксавьера, уверовал в твою идею, я принял её, как заповедь божью. Ты мессия, я пророк! Я изменился, обрёл новую сущность, переборол себя и вступил в новый мир! Мир, созданный тобой. Неужели ты до сих пор не понял, Ксавьер?

Не слушая бред сумасшедшего, Ксавьер принялся раскачиваться, пытаясь сдвинуть с места кровать.

– Я прошёл посвящение, Ксавьер! – не унимался Наруто. –

Клянусь, я в жизни не ел такого сочного мяса! А как легко режется. Мм, просто тает во рту. Какая молодая, какая сочная! Ты должен признать, Ксавьер, у меня отличное чувство юмора!

– Что за бред ты несёшь! Просто скажи мне, где моя дочь?

– Какая молодая, какая сочная! Какова ирония судьбы, а? Тебе понравится, Ксавьер, клянусь, когда ты всё поймёшь, тебе покажется это логичным! Ты обратил человечество на путь поедания себе подобных, стёр грани морали, и я, твой злейший противник, покорился! Разве это не успех? Я выбрал для посвящения её, ты понимаешь? Так символично! Такая красивая девочка. Поначалу кусок в горло не лез, но потом я вдруг вспомнил, что ты получил за это нобелевку! За то, что разрешил мне есть это!

Содрогаясь в приступе спазматического хохота, Наруто дёргался, как в эпилептическом припадке, не выпуская из рук снимок. Он тыкал фотографией в лицо Ксавьеру и, задыхаясь, кричал:

– Посвящение! Плоть от плоти... Я плакал, но ел! Ирония судьбы...Ты... Нобелевку...и вот я... покоряюсь...ем плоть...

– Где моя дочь? – задыхаясь от внезапно нахлынувшей догадки, заорал Ксавьер.

Захлёбываясь от хохота, Наруто выплюнул:

– Сладкая... в клюквенном маринаде... ваше здоровье... за Нобелевку!

Через два дня после сообщения о госпитализации профессора Ксавьера Фернандеса на канале Мии в Тик Токе появилось видео с отложенной публикацией. На нём пожилой японский мужчина с улыбкой отрезал кусок сочного стейка, а затем, внезапно отбросив в стороны нож и вилку, вгрызлся в него зубами так, что мясной сок тёк ему по щекам и подбородку. Улыбаясь в камеру, он говорил:

– У Фернандесов великолепный вкус!

После того, как в таинственном гурмане опознали японского профессора Наруто Рукамари, находящегося на принудительном пожизненном лечении, ролик быстро стал вирусным и набрал пятнадцать миллионов просмотров. Однако в топе его всё равно опередило видео с поющим котом.